

АЛЕКСАНДР ЭРМЕС

РЯД
I

ЧУЖОЕ ПРАВО

18+

Александр Эрмес
РЯД. Чужое Право

«Автор»

2026

Эрмес А.

РЯД. Чужое Право / А. Эрмес — «Автор», 2026

Нечисть из славянских сказок давно перебралась в город. Обзавелась недвижимостью, научилась заключать сделки и исправно взыскивает долги. Только расплачиваются с ней не всегда деньгами. Глеб Северин умеет выбивать уступки — и оружие из чужих рук. Но новый заказ сводит его с теми, кто требует человека в уплату старого долга. Глеб берётся его защитить — и сам становится мишенью. Чтобы найти выход из договора, он обращается к Варваре. Совместные поиски оборачиваются опасными вылазками, спорами и желанием остаться рядом, когда работа уже закончена. След ведёт их к коту Баюну, готовому обменять старую историю на новую: Глеб должен рассказать о себе то, чего прежде не слышал никто. При Варваре. Без привычки выставять себя в лучшем свете. С нечистой Глеб уже научился торговаться. С собственной откровенностью выходит сложнее. Своё слово Глеб привык держать. Даже когда разумнее было бы забрать его обратно.

© Эрмес А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Закрытый зал	5
Глава вторая. До машины	17
Глава третья. На каких условиях	28
Глава четвёртая. Незванный	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Эрмес

РЯД. Чужое Право

Глава первая. Закрытый зал

Охранник у входа попросил Глеба оставить телефон, хотя собственный держал в руке и то и дело проверял экран.

За его плечом, в глубине пустого ресторана, женщина в белом кителе укладывала пирожные в пластиковый контейнер. Одно не помещалось; она повернула его боком, посмотрела на смятую глазурь и сердито вернула на блюдо. Было без четверти двенадцать. На улице пахло мокрой набережной, отсюда — сливочным маслом и кофе, который слишком долго простоял на горячей плите.

— Ждёте звонка из дома? — спросил Глеб.

Охранник поднял глаза.

— Мама в больнице. А что?

Вопрос прозвучал без враждебности, и продолжать заготовленное «я тоже хочу остаться на связи» стало неудобно.

— Ничего. Извините. Мой останется у меня, но я выключу звук. Позовите того, кто может это разрешить.

Из гардероба вышел второй охранник, старше и заметно шире в плечах. Он посмотрел на Глеба, потом на дверь за его спиной.

— Пропускай. Человека работать позвали.

Проверяли в гардеробе. Глеб расстегнул пиджак, немного развёл локти и подождал, пока чужие руки пройдут по поясу и бокам. У старшего на правой кисти темнели четыре полосы ожога. Между большим и указательным пальцами кожа лопнула, пластырь отклеился и цеплял ткань.

— Давайте левую, — сказал Глеб, когда тот собрался ощупать второй рукав. — Вы себе сейчас всё сдерёте.

Охранник сменил руку, ничего не ответив.

В стеклянной двери отражалась недостроенная башня на другом берегу. На рекламном щите у её подножия обещали жизнь у воды; выше светились несколько этажей, ещё выше бетон уходил в низкую облачность. Владельцу башни понадобился переговорщик. Человек на другом конце провода описал задачу как частный конфликт вокруг давних земельных обязательств, а затем, словно сам почувствовал, насколько мало это объясняет ночной вызов, добавил: «Затронуты интересы сына Андрея Викторовича».

Глеб согласился приехать. В подобных разговорах интересы сына могли означать и проигранные деньги, и неудачную любовь, и чей-нибудь сломанный позвоночник. Ему не понравилось только то, что собеседник наотрез отказался сказать, где сейчас находится молодой человек.

За час до звонка Павла Глеб сидел в своей машине на верхней набережной и собирался никуда больше не ехать. На заднем сиденье лежала спортивная сумка; после тренировки волосы ещё были влажными, под воротом приятно тянуло разогретую спину. Серый седан был не новым. Глеб купил его за тишину на скорости и светлый салон, в котором даже ноябрь не выглядел продолжением рабочего кабинета. На пассажирском сиденье стоял пакет из пекарни. Он обещал себе поздний ужин, музыку и вечер, в течение которого никто не будет просить его войти в положение.

Последний клиент всё же позвонил. Два компаньона весь день делили фирму и к восьми вечера договорились; теперь один из них прислал другому фотографию разбитой вывески.

— Он опять всё разрушил, — сказал клиент. — Вы же видели, что это за человек.

— Кто разбил?

— Да кто угодно. Мне теперь какая разница?

Глеб выключил музыку. За стеклом бежала девушка с мокрым пакетом, придерживая его снизу, чтобы не высыпались яблоки. Одно всё-таки выпало; она остановилась, подняла, засмеялась кому-то в наушнике и побежала дальше.

— Разница сорок восемь тысяч, которые вы мне сегодня заплатили, — сказал Глеб. — Если хотите потратить их на фотографию чужого хулиганства, я не возражаю. Но сначала позвоните управляющему зданием.

— Вы издеваетесь?

— Немного. Пока вы ещё можете это себе позволить.

Клиент выругался, однако через семь минут перезвонил. Вывеску задел грузовик. Водитель оставил номер и ждал, пока найдут ответственного.

— Не отправляйте второму эту новость с подписью «ладно, на этот раз проехали», — сказал Глеб. — Просто сообщите, что разобрались.

Он закончил разговор и включил музыку с того места, где остановил. Ему нравился этот момент: люди переставали толкать друг друга к краю, а вещи снова приобретали нормальную величину. Вывеска становилась вывеской. Деньги можно было считать деньгами, вечер — вечером. Иногда ему платили ещё и за возможность насладиться этим первым.

Когда позвонил Павел, Глеб уже развернул хлеб. Услышав про сына, он поставил пакет обратно. Спросил, есть ли непосредственная угроза жизни. Павел ответил не сразу, и поздний ужин перестал быть главным планом.

Теперь собеседник шёл к нему через пустой зал, прижимая локтем дамскую сумку.

— Павел Ильич, — представился он. — Спасибо, что приехали. Андрей Викторович ждёт.

У него была аккуратная седая бородка и очень хорошая посадка костюма. На указательном пальце засохли чернила. Он протянул руку, заметил сумку, попытался перехватить её и в конце концов просто кивнул.

— Чья? — спросил Глеб.

— Елены Сергеевны. Она попросила принести из машины. Я уже дважды входил с ней в зал и дважды выходил, представляете? Там сейчас трудно что-либо довести до конца.

Он посмотрел на сумку так, будто поручение наконец приобрело ясность, и повёл Глеба мимо бара. На стойке лежал надрезанный лимон; в раковине отмокала единственная ложка, для которой, видимо, не нашлось места в машине.

У коридора Павел Ильич понизил голос:

— Я руковожу семейным офисом. Чтобы вы понимали: когда я говорю «мы», я не всегда имею в виду себя. Некоторые решения принимались без моего участия.

— Например, решение пригласить меня?

— Это как раз моё. И Елены Сергеевны. Андрей Викторович предпочёл бы другие средства, но они... В общем, вы услышите сами. Только очень прошу: если что-то покажется вам нелепым, дайте договорить. Здесь сегодня уже несколько раз пытались вернуться к здравому смыслу.

Из-за двери донёсся мужской голос. Слов нельзя было разобрать, но интонация была знакомая: человек привык получать ответ раньше, чем закончит вопрос.

Павел Ильич открыл дверь и посторонился.

В закрытом зале накрыли на шестерых. Четверо сидели за столом, у стены стоял ещё один охранник; на его стуле лежала рация с убранной громкостью. Две двери, тяжёлый буфет у служебного выхода, высокий подоконник. Окно на реку, скорее всего, не открывалось.

Андрея Викторовича Вересова Глеб узнал по фотографиям. В деловой прессе тот обычно касался ладонью какого-нибудь макета, оставляя зрителю возможность оценить и будущий квартал, и часы. Здесь часы съехали под манжету, а ладони он держал на коленях.

Рядом сидела женщина с короткими тёмными волосами. Она сразу протянула руку к сумке; Павел Ильич отдал её с таким облегчением, что Глебу на секунду захотелось улыбнуться.

Молодой мужчина напротив женщины был в зелёной толстовке. На разбитой нижней губе засохла кровь, и он всё время трогал её языком, словно проверял, не стало ли хуже.

Четвёртый сидел у окна и ел хлеб.

На нём был коричневый костюм без блеска и заломов, какие бывают у вещей, слишком редко доставаемых из шкафа. Светлая рубашка, никакого галстука, короткие ногти. Он отламывал кусочки над тарелкой и макал их в соль. Единственный человек за столом, которому пригодились сервировка.

— Присаживайтесь, — сказал Вересов. — Только давайте сразу к делу, мы потеряли достаточно времени.

Глеб сел с торца, откуда были видны и дверь, и человек у окна.

— Ваш сын находится здесь?

— Денис, — сказала женщина. — А я Елена. Вы можете помочь ему выйти отсюда? Сейчас, пока они опять не начали обсуждать землю.

— Сначала мне нужно услышать, кто его удерживает.

— Да вот же он сидит, — Вересов указал на окно. — Павел вам объяснял или опять решил, что лучше обойтись без подробностей?

— Я объяснил то, что вы разрешили, Андрей Викторович.

Павел Ильич устроился на оставшемся месте и аккуратно положил телефон справа от папки. Вересов посмотрел на него, но ничего не сказал.

— А вы? — Глеб обратился к человеку с хлебом.

— Савелий. Представляю тех, кому задолжала семья.

— Тогда начнём с долга. Что вы хотите получить?

— Дениса хотят забрать, — сказала Елена. — Они это слово не произносят, всё время «передать», «исполнить», «признать». Я уже спрашивала, куда его повезут. Мне велели не мешать.

— Я просил вас не перебивать сына, — ответил Савелий. — Это было ещё до приезда Андрея Викторовича.

Денис оторвал взгляд от тарелки.

— А я спрашивал, могу ли отказаться. Вы на это вообще ничего не сказали.

— Ты можешь отказаться идти. Тогда мне придётся тебя вести. Я не хотел, чтобы ты счёл это выбором, которого на самом деле нет.

Вересов наклонился через стол:

— Вот. И так второй час. Любая сумма, любое обеспечение — нет, ему подавай человека. Мы предложили участок у затона, свободный от обременений, с готовым проектом. Он даже смотреть не стал.

Савелий собрал крошки кончиком пальца.

— Сначала были квартиры. В доме, который ещё не построен. Андрей Викторович показывал мне вид из окна, а когда я спросил, где сам дом, предложил посмотреть, как будет выглядеть кухня.

— Это были не квартиры, а права требования, — сказал Павел Ильич. — Я пытался уточнить, но вы оба говорили одновременно. И в любом случае я не рекомендовал эту форму расчёта.

Он выровнял папку по краю стола. Савелий посмотрел на него с коротким интересом.

— Так вот почему у квартир не было ключей.

Глеб не улыбнулся, хотя в другой обстановке, наверное, улыбнулся бы.

— Деньги вы принимать не уполномочены или вам не подходит сумма?

— Я пришёл за тем, что обещали. Замену должны согласовать те, кому обещали, а не я.

— С ними можно связаться?

— Через меня. Но если вы собираетесь ещё раз предложить землю, сэкономьте себе время.

Глеб развернул к себе папку, которую Павел Ильич уже выдвинул на середину стола.

Внутри лежали фотография старого листа и современная расшифровка. На снимке край бумаги потемнел, длинное пятно съело нижнюю строку. Почерк был достаточно ясным, чтобы соблазнить читающего: отдельные слова узнавались сразу, а смысл между ними приходилось додумывать.

Расшифровка называлась «Соглашение о предоставлении права застройки и использования земель». Глеб пробежал первые пункты и спросил, кто её делал.

— Наш специалист по архивным документам, — ответил Павел Ильич. — Не сотрудник юридического отдела. Это важно: текст сложный, он предупреждал, что потребуется оригинал.

— Здесь написано «передать в собственность», — сказал Глеб.

— Вот с этим у нас и разногласие, — Савелий отодвинул соль. — В собственность никого не требуют. Ваш специалист добавил два слова, а Андрей Викторович с тех пор торгуется так, будто я покупатель.

Елена накрыла ладонью руку сына.

— Вы только что сказали, что уведёте его силой. Мне всё равно, как это называется в вашей бумаге.

— Мне нет, — сказал Савелий. — Я за эту бумагу отвечаю.

Глеб оставил расшифровку сбоку.

— Тогда прочитайте, за что именно. Я старый почерк разбираю плохо и не хочу сейчас делать вид, что это не мешает.

Савелий вытер руки. Говорил он по фотографии, хотя почти не смотрел в неё:

— За непрерывное владение двором и берегом, за сохранение прохода и отведение воды род обязуется передать первенца мужского рода по достижении им двадцати одного года. В ночь после дня рождения, у старого спуска. Это требование. Остальное касается принявших его сторон и пределов владения.

Денис пошевелил рукой под материнской ладонью.

— Мне вчера исполнилось. Если вы хотели спросить, можно ли выиграть ещё год, нельзя. Я даже паспорт ему показал, когда он впервые пришёл. Решил, что отец кого-то прислал с розыгрышем.

— Денис, я никогда...

— Ты подарил мне машину с бантом размером с саму машину. Я не знал, где у тебя в этот раз закончится праздник.

Елена отпустила его руку и принялась снимать с чашки намокший чайный пакетик. Он прилип к фарфору; она потянула сильнее, оборвала нить и положила её на блюдце.

Глеб снова прочёл то место на фотографии, где угадывалось слово «первенец». Пока оно говорило только о том, что возраст Дениса не решал вопроса целиком. Сначала нужно было понять, почему люди, способные нанять десяток адвокатов, сидят здесь и обсуждают выдачу взрослого человека.

— Вы видели этот договор раньше? — спросил он Вересова.

— Если бы я считал такую бумагу договором, мы бы сейчас разговаривали в клинике. У отца хранились архивы, там всякого хватало. Купчие, церковные записи, письма. Я нанял людей разобрать, полезное оцифровать, остальное... Ну вот, видите, разобрали.

— Оспаривать подлинность вы пробовали?

— Пробовали всё. Поэтому вы и здесь.

— Полиция тоже была?

Вересов откинулся в кресле. На этот раз вместо него ответил Павел Ильич:

— По некоторым обстоятельствам полиция уже работает. По сегодняшней встрече мы не обращались.

— По каким обстоятельствам?

— Павел, — сказал Вересов.

Тот посмотрел на него, затем снял очки и положил поверх папки.

— Андрей Викторович, если вы хотите, чтобы человек работал, ему придётся это показать. Я больше не буду объяснять случившееся неисправностью ворот.

— Там действительно сорвало ворота.

— Вместе с людьми.

В коридоре коротко звякнула посуда. Денис повернул голову, а Елена осталась смотреть на оборванную чайную нить.

— Сколько погибло? — спросил Глеб.

Павел Ильич ответил не сразу.

— Шестеро на складе. Ещё трое в доме. Девять человек за три дня.

* * *

Глеб подвинул кресло назад, чтобы край стола больше не мешал ему встать.

Человек у окна сидел в той же позе. На светлой рубашке не было ни одного пятна. Пальцы спокойно лежали возле хлебной корзинки; Глеб задержал на них взгляд, потом перевёл его на дверь.

— Я сейчас позвоню в полицию, — сказал он. — Вы предупредите свою охрану, что приедут сотрудники. Никто не должен пытаться...

— Да предупредили мы их! — Вересов поднялся так резко, что кресло ударилось о буфет. — Первых предупредили. Вторых. Всем объяснили, что просто не нужно его пускать. Вы думаете, я сюда девять человек умереть отправил?

— Сядь, — сказала Елена. — Андрей, сядь уже. Ты стоишь между ним и дверью.

Вересов оглянулся и тяжело опустился в кресло.

Глеб достал телефон. Павел Ильич протянул свой.

— Сначала запись. Две минуты, больше не прошу. Источник сохранён, его получили следователи. Я ничего от вас не прячу, кроме того, что не смог сказать при первом звонке.

— Не смогли или вам не разрешили?

— И то и другое. Посмотрите, пожалуйста.

На экране был складской двор, снятый сверху: два внедорожника, распахнутый багажник, шлагбаум у края кадра. Савелий стоял возле автомобиля в другом костюме, но с той же чуть повернутой головой.

К нему приблизились трое. Один говорил, второй держал руку под курткой. У третьего в левой руке была канистра.

— Со звуком?

— На этой камере нет, — сказал Павел Ильич. — Я запрашивал соседнюю, но там только подъезд к воротам. Из неё ничего не...

— Тихо, — попросила Елена.

Человек с канистрой пошёл к багажнику. Савелий шагнул ему навстречу, и второй вынул пистолет. Вспышка выстрела была маленькой и какой-то незначительной на фоне огромного освещённого двора. Савелий дёрнулся, но не упал.

Под внедорожником зашевелилось что-то тёмное. Глеб решил, что там лежал трос, пока край мощения не поднялся вслед за этой полосой, а стрелявший не исчез за машиной с вывернутой назад ногой. Его товарищ бросился к воротам. Плитка перед ним пошла выпуклой дорожкой; человек успел сменить направление, и дорожка повернула тоже.

Глеб остановил запись.

На неподвижном кадре был виден светлый прямоугольник выломанной плитки. Он висел в воздухе, отдельно от всего остального, с невероятной чёткостью.

— Дальше хуже, — сказал Павел Ильич. — Я могу включить, но там нет ничего, что поможет с Денисом.

Глеб вернул несколько секунд назад, увеличил изображение. Двор распался на крупные квадраты. Он снова уменьшил картинку и положил телефон на стол.

Монтаж. Подготовленная запись, в которую заставили поверить семью. Но зачем тогда показывать её ему, человеку, который первым делом запросит исходник? Или от него именно этого и ждали — чтобы он принялся разбираться с видео, пока здесь происходило что-то другое?

— Что было в машине?

— Бумаги, — ответил Савелий. — За ними я и пришёл. Людям сказали, что бумаги мои, и велели облить их бензином. Насчёт стрельбы не знаю, что им говорили.

Охранник у стены убрал обожжённую руку за спину. Глеб только теперь узнал в нём человека с канистрой.

— Вы были там?

Тот кивнул.

— И можете подтвердить запись?

— Я могу подтвердить, что Стас остался под машиной. Я пытался его вытащить. Больше меня ни о чём не спрашивайте, пожалуйста.

Телефон Глеба потемнел в руке. Он знал адрес ресторана и число людей за дверью. Вызвать полицию можно было сейчас; первые сотрудники войдут через тот же вход, где охранник ждал звонка из больницы. Он снова посмотрел на видео. О людях на нём хотелось знать меньше.

Денис отодвинул стул.

— Мне надо в туалет. Можно без этого? Я дверь оставляю открытой, если хотите.

— Денис, подожди, — сказала Елена.

— Я уже ждал. Пока папа приедет, пока он позвонит, пока ещё кто-нибудь приедет. Я что, здесь должен?

Он встал, и под столом сухо хрустнуло.

Глеб успел увидеть, как парня потянуло вбок. Денис схватился за скатерть, посуда поехала к нему, вода плеснула из стакана; Глеб навалился на край стола, удерживая его, и только потом увидел ногу.

Из шва между плитами торчал корень, белёсый у основания, тёмный там, где обвился вокруг кроссовка. На тонких волосках висели крупинки раствора. Денис дёрнул коленом, корень поднялся следом и перехватил его выше, за голую полоску кожи над носком.

Глеб сунул телефон в карман, обошёл стол и присел. Запах земли ударил в лицо раньше, чем он коснулся корня. Жёсткий, влажный, живой; под нажимом большого пальца на коре выступила прозрачная капля.

— Ногу вниз, — сказал он. — Не тяни вверх, сейчас...

Он попытался просунуть пальцы под захват. Корень медленно развернулся, придавил их к кости. Денис вскрикнул, Глеб вырвал руку и едва не опрокинул на себя стул.

— Не трогайте его, вы хуже делаете! — Елена оттолкнула Глеба плечом и обхватила сына под мышками. — Садись, Деня. Как до этого, помнишь? Садись ко мне.

— Стул держите, — сказал Глеб охраннику.

Тот уже подставлял его. Втроём они усадили Дениса; стоило ему перенести вес с ноги, как древесная петля ослабла.

Елена опустилась рядом с ним на колени. Подол её платья намок в разлитой воде.

— Вы довольны? — спросила она Савелия. — Он даже не пошёл к выходу. Вы же видели, куда он...

— Я могу снять удержание, если он останется до конца разговора. В прошлый раз он сказал, что останется, и побежал. Поэтому сейчас мне нужен ответ, а не кивок.

Глеб держал правую кисть левой. В двух пальцах пульсировала боль; костяшки распухали на глазах.

— Он никуда не...

— Сам, — сказала Елена, не оборачиваясь. — Пусть он сам ответит.

Денис сглотнул.

— Я останусь. Только уберите это. Я сяду, буду сидеть, сколько вам нужно, но уберите.

— До конца разговора, — уточнил Савелий.

Корень разомкнулся. Уходил он медленно, с тихим скрежетом о камень; Елена не выпускала сына, пока последний волосок не скрылся в трещине. На полу осталась мокрая полоска, из неё выступали две капли воды, мутные от извести.

Глеб опёрся здоровой рукой о стол и поднялся. От раздавленной кожи пахло землёй. На белой скатерти остался кровавый след; он машинально прикрыл его салфеткой, затем убрал руку. Смысла прятать пятно не было.

Савелий налил себе воды.

* * *

Елена не вернулась на своё место. Она придвинула стул вплотную к Денису и помогла ему разрезать ножом резинку носка. Сервировочный нож не брал ткань; Павел Ильич молча достал из сумки маленькие ножницы в футляре и отдал ей.

Глеб сел. Порез на пальце был пустяком по сравнению с тем, как болели суставы, но кровь мешала держать бумагу. Он попросил Павла Ильича положить фотографию перед ним и некоторое время смотрел в знакомые уже строки, дожидаясь, пока перестанет подташнивать.

— С ногой придётся к врачу, — сказал он Денису.

— Я понял. Только сначала я всё-таки схожу в туалет. Мне теперь уже интересно, кто ещё будет решать, можно мне или нет.

Савелий указал на служебную дверь:

— За ней налево. Там тоже выход есть, но ты обещал вернуться.

Денис поднялся, подождал и сделал шаг. Корень не появился. Елена пошла за ним; он попросил её остаться и, держась за стену, вышел один.

Вересов всё это время смотрел на телефон. На экране высвечивался входящий вызов, он сбрасывал его, и через несколько секунд экран загорался снова.

— Не присылайте сюда больше людей, — сказал Глеб.

— Это водитель. Я велел подать машину к служебному. У него хотя бы с машиной никаких затруднений нет.

Глеб кивнул. Доподлинно про очередную вооружённую подмогу оказалась лишней, и Вересов это видел.

— Я не собираюсь с вами спорить, — продолжил он. — Но вы сейчас почувствовали, да? Что это такое, когда он сидит и ест, а ты ничего не можешь. Я чувствую это третий день.

Поэтому давайте вы потом мне расскажете, кого я зря позвал и что не так сказал. Сейчас сделайте что-нибудь.

Глеб посмотрел на Савелия.

— Вы могли увезти Дениса ещё до моего приезда. Значит, вам требуется согласие...

— Не требуется. Это Андрей Викторович просил дождаться человека, который скажет что-нибудь новое. Пока ждал, мне предложили хлеб. Спешки не было.

Глеб не договорил. Савелий отрезал себе маленький кусок ножом, которым никто не пользовался, и продолжил:

— Не ищите в том, что я сижу, разрешения мне мешать. Мне удобнее уйти с целым мальчиком. Его матери тоже. Пока мы в этом согласны.

Служебная дверь открылась. Денис вернулся с мокрым лицом и сел рядом с матерью. С пола в кухонный коридор тянулась грязная дорожка от его кроссовка.

Глеб подождал, пока он устроится, и указал на фотографию.

— Если вы приведёте человека, который не соответствует требованию, кто будет отвечать?

— Я. Но на это не рассчитывайте: паспорт мне показали, отец сына признал. Возраст вы сами слышали.

Павел Ильич вытащил из папки ещё два листа.

— Свидетельство о рождении тоже есть. Документ из клиники, если потребуется, мы можем получить, но там нет никаких сомнений. Андрей Викторович — отец.

Глеб придержал здоровой ладонью край фотографии.

— Я не сомневаюсь, что он отец Дениса. Здесь, однако, требуется не просто его сын.

Елена сложила ножницы. Щелчок застёжки прозвучал отчётливо.

— Если вы хотите сказать «первенец», — произнёс Савелий, — я это слово помню. Вы ещё до пола до него добрались. Первый сын в нынешней ветви рода. Что у вас есть помимо слова?

Ничего, кроме отсутствующего вопроса. Глеб перевёл взгляд на Вересова.

— Он точно первый?

— Денис — мой единственный сын.

Савелий взял стакан, но не поднёс его ко рту.

— Андрей Викторович, — сказал Глеб, — я не спрашиваю, сколько детей у вас сейчас дома. Я спрашиваю, был ли мальчик до него. Даже если умер в младенчестве. Даже если вы с его матерью никогда не были женаты.

Вересов потер переносицу, затем посмотрел на Павла Ильича, словно тот мог предложить другой способ ответить.

— До Лены я был женат. У меня был ребёнок. Это никак не относится к тому, что здесь происходит: он погиб пятнадцать лет назад. Мы с его матерью задолго до этого развелись, она уехала. Если теперь вы собираетесь проверять всю мою жизнь, я не уверен, что у нас хватит ночи.

Денис медленно повернулся к матери.

— Ты знала?

Она потянула к себе чашку, вспомнила про плавающий пакетик и оставила её.

— Да. Я думала, отец тебе скажет, когда... Я несколько раз говорила, что нужно.

— Когда что?

Вересов наклонился к сыну:

— Тебе было шесть. Зачем я должен был объяснять шестилетнему ребёнку, что у него кто-то погиб? Ты его никогда не видел. Потом стало незачем. Мы не скрывали, просто не было повода.

Денис посмотрел на стол, где лежала копия его паспорта.

— Ну да. Повода.

Глеб хотел вернуть разговор к документам, но Елена заговорила раньше:

— Он утонул. Летом, за городом, где они жили. Андрей туда ездил, и мы... Я не знаю, что ещё вы хотите услышать. Если это может отпустить Дениса, объясните, какие бумаги нужны. Не заставляйте нас угадывать.

Глеб обратился к Савелию:

— Что происходит с требованием, если первенец умер?

— Смотря когда и при каких обстоятельствах. В этой записи не сказано, что можно брать следующего вместо умершего. Для перехода должно быть отдельное основание.

— Вы его проверяли?

Савелий поставил стакан.

— Мне не сообщили, что есть старший. Андрей Викторович назвал Дениса, признал сына и сказал, что не отдаст. Все документы были на него.

— Вы спрашивали о детях, — возразил Вересов. — Я и сказал о ребёнке. О живом ребёнке, который у меня есть. Что вы теперь делаете вид, будто я что-то подменил?

— Я хочу дослушать про старшего, — сказал Савелий.

Он больше не касался хлеба. Вересов смотрел на его руки, потом придвинулся к Глебу.

— Алексей, — сказал он. — Его звали Алексей. Шестнадцать лет было. Они с друзьями поехали купаться, там течение, старые опоры моста. Одного вытащили, другого... Там даже водолазы не сразу смогли работать. Я оплатил всё, что было нужно. Поиски, людей, лодки. Не надо на меня так смотреть.

— Я спрашиваю не о том, сколько вы заплатили, — сказал Глеб. — Тело нашли?

— Я вам объясняю, что там за место. Река за сутки уносит чёрт знает куда, это не бассейн. Искали неделю, потом ещё. Нам сказали, что шансов нет.

Павел Ильич, до этого просматривавший документы, оставил их в покое.

— Свидетельство о смерти оформляли через суд? — спросил он.

Вересов повернулся к нему:

— Ты же тогда ещё не работал.

— Поэтому и спрашиваю. Я видел сводную опись семейного архива, там указан судебный акт, а не медицинское свидетельство. Копию я не поднимал, мне это не требовалось. Но если сейчас нам нужно подтвердить смерть, это разные основания.

— У нас есть официальный документ. Этого недостаточно?

Савелий протянул руку.

— Покажите.

Никто не пошевелился.

Глеб взглянул на Павла Ильича; тот покачал головой и развёл ладони. В папке были только документы Дениса, фотография договора и слишком уверенный перевод.

— Сейчас вы не можете установить, кому предъявлять требование, — сказал Глеб Савелию. — Вы допускаете, что это Алексей, а подтверждённого перехода на Дениса у вас нет. Значит, удерживать его...

— У меня достаточно, чтобы потребовать проверки, — перебил Савелий. — До её окончания он мог бы остаться со мной.

— Где это предусмотрено?

— Что именно?

— Передача другого сына на время проверки. Здесь? — Глеб коснулся фотографии. — Или в отдельном основании, которого пока никто не показал?

Савелий откинулся на спинку. Снаружи по набережной проехал грузовик; его фары скользнули по потолку, и на короткую секунду лицо у окна стало плоским и бледным.

— Вы просите отсрочку, — сказал он.

— Я прошу отпустить человека, про которого пока известно только, что он не первый сын. Если у вас есть право держать другого, предъявите его. Мы посмотрим.

— Мы? — спросил Савелий. — Вы уже представляете семью?

Глеб ощутил, как Вересов придвинулся ещё ближе.

— Я веду этот разговор. За их долги не поручаюсь и никого вместо Дениса не предлагаю.

— Вот это полезное уточнение.

Савелий повернулся к Вересову, оставив Глеба сбоку от себя.

— До завтрашнего заката вы представите доказательство смерти Алексея или сведения о том, где он находится. Если не представите, я продолжу устанавливать это сам. Сегодня вы сообщили мне существенно не всё.

— То есть вы уйдёте? — спросила Елена.

— Да. Требование к Денису приостанавливаю до проверки. Согласованная сторонами замена мне не предъявлена; оснований считать его первенцем больше нет.

Глеб не дал Вересову заговорить:

— Повторите про удержание. Денис может уйти, вы и ваши люди не будете его задерживать или причинять ему вред по этому требованию?

— По этому требованию — не будем. Но обещаний за чужих людей я вам не дам.

— Ваших достаточно. Денис, можете встать?

Парень сжал край стула, потом поднялся, осторожно перенося вес на повреждённую ногу. Никто за столом не произнёс ни слова, пока он шёл к основной двери. Там он обернулся, словно сам не знал, нужно ли возвращаться.

Елена поднялась следом, остановилась возле него и посмотрела на мужа.

— Машину оставь. Мы поедём отдельно.

* * *

Савелий вытер руки, сложил салфетку рядом с тарелкой и встал. Теперь, когда его собирались выпустить из ресторана, Глебу хотелось задержать его хотя бы на минуту: спросить про видео, про корень, про то, откуда в щели пола взялась земля. Вместо этого он сидел, прижав больную кисть к животу, и смотрел, как человек у окна застёгивает пиджак.

— Копия вам останется, — сказал Савелий Павлу Ильичу. — Только перевод поправьте. Если завтра опять начнём с собственности, времени зря потратим.

— Завтра нам понадобится оригинал.

— Для сравнения — можно. Унести не дам.

Павел Ильич кивнул. Он впервые за вечер что-то записал в блокнот.

У двери Савелий задержался возле Дениса.

— Из-за ноги прости. Я считал, что удерживаю того, кого мне поручено привести.

Денис смотрел ему в лицо.

— И если бы не ошиблись, всё было бы нормально?

— Если бы не ошибся, тебе пришлось бы идти.

Он вышел в коридор. Охранник проводил его до гардероба, держась на расстоянии, и вернулся только после того, как звякнула входная дверь.

Несколько секунд в зале ничего не происходило. Потом Павел Ильич вызвал машину, Елена достала из сумки салфетки, а Вересов потянулся за бутылкой воды. Пустой стакан он наполнял двумя руками.

Глеб попросил у охранника пакет со льдом.

— Я принесу, — сказал Павел Ильич. — Тут знают, где что лежит, но сейчас все куда-то... Я сам.

Когда он вышел, Вересов пересел на его место, рядом с Глебом.

— Расчёт сегодня. Остаток и ещё столько же. Вы не представляете, что сделали. Хотя нет, теперь, наверное, представляете.

Он повернул телефон к себе, открыл приложение и некоторое время смотрел на экран, не касаясь его.

Глеб видел щель в полу. Каменные края разошлись, несколько крупинок раствора лежали на мокрой полосе, оставленной корнем. Уборщице придётся вымыть под столом, потом кто-нибудь позвонит мастеру. Ресторан откроется, возможно, уже к обеду.

— Где ваша первая жена? — спросил он.

Вересов перестал вводить цифры.

— Документы я предоставлю. Всё, что понадобится для проверки. Утром поднимут архив, Павел отвезёт вам.

— Я хочу поговорить с ней до того, как вернётся Савелий.

— После того, что было между нами, она ничего вам не скажет. Только хуже сделаете. Давайте не будем сейчас всё сразу... Вы устали, у вас рука. Я оплачу врача.

У двери Елена закрыла сумку.

— Она просила тебя больше не звонить, — сказала она. — Мне почему-то сейчас вспомнилось именно это.

Вересов повернулся к ней всем корпусом.

— Лена, пожалуйста. Денис здесь.

— Денис уже знает. Ты рассказал ему, что мы ничего не скрывали.

Она подошла к столу, но садиться не стала. Глеб молчал; вопрос, который он собирался задать, сейчас только помешал бы.

— Звонила женщина, — продолжила Елена. — Через несколько месяцев после похорон. На домашний. Ты ещё сказал, что она нарочно выбрала время, когда тебя нет. Я спросила, кто это, она назвала имя, и я... Я не сразу сообразила. Хотела сказать, что сочувствую. Она не дала. Всё повторяла: оставьте нас в покое, перестаньте звонить мальчику.

Вересов положил телефон на стол.

— Она тяжело переживала. Ты сама помнишь, что с ней было.

— Я никогда её не видела, Андрей. Всё, что я помню о ней, ты мне рассказал после того звонка.

— Люди разговаривают с умершими. Покупают им вещи. Сохраняют комнату. Это нормальная реакция, мне объясняли специалисты. Ты сейчас берёшь одну фразу и...

— Я ничего из неё не делаю. Я говорю, что она просила тебя не звонить сыну. А ты сказал, что объяснишь дома. Мы как раз собирались в гости, ты не хотел опаздывать.

В коридоре появился Павел Ильич с ведёрком льда и чистым полотенцем. Увидев лица, он остановился, затем осторожно поставил всё на край стола.

Глеб завернул несколько кубиков, приложил к кисти. Звонок матери не доказывал, что Алексей выжил. Но спрашивать о нём, не выслушав её, Глеб больше не собирался.

— Имя и последний адрес, — сказал Глеб. — Дальше я разберусь, захочет ли она говорить.

Вересов сдвинул телефон под папку.

— Вашей задачей было вытащить Дениса. Вы вытащили, и я вам благодарен. Всё остальное — старое семейное дело. Мы не обязаны обсуждать его при посторонних.

— Я тоже посторонний? — спросил Денис от двери.

Отец посмотрел на него, потом снова на Глеба.

— Я не нанимал вас искать моего сына.

Никто ему не ответил. Елена взяла Дениса под локоть; на этот раз он позволил ей помочь и первым пошёл в коридор. Охранник придержал для них дверь, но закрывать не стал.

Глеб забрал со стола копию паспорта Дениса, положил отдельно и подвинул Вересову чистую оборотную сторону перевода.

— Имя и адрес, Андрей Викторович. Можно написать.

Вересов не притронулся к ручке. Павел Ильич, всё ещё стоявший с пустым ведёрком, спросил у Глеба, куда прислать копию судебного решения.

Глава вторая. До машины

Лёд успел подтаять, пока Вересов объяснял, почему адрес ничего не даст.

Глеб слушал, прижимая полотенце к кисти. Вода сочилась между пальцами и капала на брюки; стоило ослабить нажим, как в суставах начинало пульсировать. Вересов то возвращался к возможной ошибке в документах, то вспоминал, сколько заплатил за поиски, то предлагал перенести всё на утро. Прежде следующего возражения Глеб назвал адрес вслух и попросил Павла записать его отдельно.

Павел Ильич ушёл звонить в коридор. Охранник с обожжённой рукой стоял у двери, держа в ладони ключи от машины; за его спиной кто-то из сотрудников ресторана дважды выключал свет и дважды, спохватившись, включал обратно.

— Я вам пришлю то, что сохранилось, — сказал наконец Вересов. — Через Павла. Но бывшую жену пока оставьте в покое. Она не имеет отношения к земле, никогда не имела, и втягивать её... Вы представляете, что для человека снова поднимать такую историю?

— Вы рассказываете мне о её чувствах вместо того, чтобы дать номер.

— Потому что я с ней жил. А вы не знаете даже, как её зовут.

Вересов произнёс это с неожиданным удовлетворением, словно обнаружил серьёзный изъян в работе приглашённого специалиста.

Глеб убрал полотенце с руки.

— Если Савелий начнёт искать сам, он тоже сначала будет беречь её чувства?

За столом стало тихо. Вересов посмотрел на пустую тарелку у окна, потом взял ручку и написал на обороте перевода две строки. Писал быстро, с таким нажимом, что на последних буквах бумага продавилась.

«Марина Сергеевна Вересова. Лесогорск, Садовая, 18».

— Тогда жила там. Номер старый, домашний, давно не работает. Это всё, чем могу помочь.

Глеб не стал просить его приписать «это всё» под адресом. Достал телефон, снял лист, затем отдельно сфотографировал договор. Правая рука плохо слушалась; он придерживал бумагу ребром ладони, а телефон держал левой.

Вересов наблюдал за ним.

— Павел вам отправит качественные копии.

— Эти мне нужны сейчас.

Он сложил фотографию договора и перевод с адресом, убрал во внутренний карман. Документы Дениса оставил на столе.

Вересов поднялся. В коридоре его встретил охранник, сказал что-то про машину; они пошли к выходу, и Глеб впервые за вечер остался один в зале.

На полу под столом расплзлась лужа. Оборванная чайная нить всё ещё лежала на блюде, а в хлебной корзинке осталась горбушка с содранной коркой. Глеб провёл по лицу здоровой ладонью и поймал себя на том, что не хочет наклоняться за полотенцем. В щели между плитами темнело что-то влажное. Оно могло оказаться всего лишь грязью, но проверять это пальцем больше не хотелось.

Он поднял полотенце за сухой угол и вышел.

У бара Павел Ильич говорил по телефону:

— Нет, только копия. Да, я уже понял, что скана недостаточно. Варвара, простите, но двадцать минут назад мы вообще не были уверены, что кто-нибудь отсюда... Хорошо. Я ему скажу.

Он закончил разговор и прислонился к стойке.

— Женщина, с которой я связывался по поводу текста. Ланская, Варвара. Её мне рекомендовали ещё днём, но Андрей Викторович не хотел посторонних. Потом захотел вас. У него к выбору посторонних довольно сложный подход.

— Она делала перевод?

— Нет. Она его ругала. Сначала сказала, что по фотографии такие заключения не дают, потом всё-таки прочла и позвонила сама. Сейчас подъезжает, просит вас дожидаться. Что-то насчёт того, как именно предъявили требование.

— Пусть позвонит мне. Я поеду сниму руку, потом поговорим.

— Она тоже спросила про руку.

Глеб посмотрел на него.

— Я рассказал про пол, — пояснил Павел Ильич. — Простите, мне нужно было рассказать хоть кому-то, кто не начинает с вопроса, сколько мы выпили. Она не начала. Это сейчас очень располагает.

Он отправил контакт. Пока Глеб сохранял номер, у Павла снова зазвонил телефон; на экране высветилось имя Вересова. Павел Ильич прижал аппарат к груди.

— Решение суда я пришлю, — сказал он. — У меня есть доступ к архиву, это входит в мои обязанности. Даже если меня сейчас попросят до утра ничего не предпринимать, я могу поискать. Я часто работаю по ночам без отдельного поручения.

— Мне нужны обе страницы, если их две. И приложения, если есть.

— Я понимаю, что такое полный документ, Глеб Михайлович.

Он сказал это почти обиженно, и Глеб кивнул.

— Тогда жду.

Павел Ильич отошёл отвечать начальнику. У входа молодой охранник натягивал куртку поверх пиджака; старший говорил ему, в какую больницу ехать и куда звонить, если не пустят. Глеб не стал задерживать их, прошёл к гардеробу и нашёл на стуле свою лёгкую куртку, которую так и не успел сдать.

— Вам лёд поменять? — спросили из-за спины.

Женщина в белом кителе стояла у бара с пластиковым контейнером. На груди у неё было вышито «Тамара», под именем — маленький золотой венчик.

— Спасибо. Если можно в пакет, я у вас полотенце оставляю.

— Можно. Только не прикладывайте голым, сожжёте кожу. Тут салфетки есть.

Она поставила контейнер, забрала мокрое полотенце и, прежде чем уйти, прищурилась на его руку.

— Это у вас об стол или тоже об пол?

— Об пол.

— А мне сказали, плитка сама треснула. У нас она с открытия лежит, ничего с ней не делалось. Сегодня, значит, решила.

Тамара вернулась со льдом и двумя бумажными салфетками. Глеб обмотал пакет, но узел на краю не затягивался; она молча забрала его, завязала и вернула.

— Вы ели хоть? У вас вид такой, что сейчас выйдете, и придётся догонять со сладким чаем.

Он хотел отказаться, потом вспомнил, что последний раз ел днём, стоя у открытого холодильника. Тамара уже отщёлкивала крышку контейнера.

— Это можно взять. Кривое. Завтра не продам, крем заветрится. Только коробку не забирайте, у меня в ней насадки лежат.

На бумажной салфетке оказалось маленькое пирожное с продавленным боком. Глеб откусил; тонкая оболочка хрустнула, холодный крем пах лимонной цедрой. Он не ожидал, что ему сейчас захочется доесть.

— Хорошее.

— Я не сказала, что плохое. Я сказала, кривое. Это у вас в переговорах, может быть, одно и то же, а у нас разные списания.

Тамара закрыла контейнер, оставив ему время прожевать. У служебного коридора стояла тележка с пустыми ящиками; в открытой двери за ней виднелись каменные ступени, спускавшиеся во двор. Оттуда тянуло прохладой.

— Такси где вызываете? — спросила она. — На набережную не ставьте, опять круг делает. У нас водители до сих пор верят, что можно подъехать к парадному. Надо на верхнюю улицу, к арке.

— Я оставил машину там.

— На этой руке поедете?

Глеб съел последний кусок и выбросил салфетку в корзину у стойки.

— Заберу из машины вещи. Поеду на такси.

Тамара посмотрела на него с сомнением, но спорить не стала.

* * *

Ночью река пахла сильнее. Влажный воздух шёл вдоль фасада, забираясь под расстёгнутую куртку; у воды дребезжало ограждение, зацепленное концом сигнальной ленты. В ста метрах выше по течению ремонтировали спуск, поэтому от ресторана к верхней улице приходилось обходить квартал с другой стороны.

Глеб остановился под козырьком и открыл приложение такси. Машина нашлась в шести минутах езды. Он поставил точку у своей парковки, написал водителю «после арки направо» и только тогда вспомнил, что не выпил воды.

Возвращаться не хотелось. Во рту ещё оставался лимон, а кисть под пакетом постепенно немела. Невозможное, случившееся в зале, никуда не делось, но теперь к нему добавилась простая последовательность: добраться до врача, получить документы, позвонить женщине, которая разбирается в старом тексте. Этого хватало на ближайший час.

Он пошёл вдоль дома.

Ресторан занимал первый этаж старого склада, к которому с внутренней стороны пристроили стеклянную галерею. Днём там сидели посетители; сейчас стулья стояли на столах, а на одном из экранов без звука показывали женщину, нарезающую рыбу. Между стеклом и подпорной стеной шёл служебный проезд, полого поднимавшийся к арке. Наверху, за ней, была улица с припаркованными машинами. Внизу — двор ресторана и дверь, возле которой Тамара складывала ящики.

У арки стоял белый фургон. Рядом с ним мужчина в серой ветровке разговаривал по телефону, прижимая плечом дверцу кабины. В свободной руке у него была тонкая папка на резинке.

Он закончил разговор, когда Глеб приблизился.

— Северин? Подождите минуту, мне сказали, вы ещё внутри.

— Кто сказал?

— По поводу Вересова. Я вас за этим и жду. Вы оттуда бумаги забрали, их надо сверить, прежде чем вы уедете.

Мужчина был чуть ниже Глеба, широковат в бёдрах, с тяжёлым подбородком и редкими ресницами. Лет сорок, может быть, больше. Ничего такого, из-за чего стоило бы менять сторону улицы. Он говорил с привычной усталостью человека, которому чужой график испортил ночь.

Глеб остановился, оставив между ними метра два.

— Павел Ильич мог позвонить мне сам.

— Он уехал. Вы его только что проводили.

— Я его не провожал.

— Значит, разминулись. Давайте не будем... Там буквально одна отметка, мне до двух нужно закончить. Бумаги у вас?

Глеб сместился так, чтобы видеть улицу за аркой. До своей машины оставалось метров двадцать; дальше, на перекрёстке, горел круглосуточный магазин. Один человек курил возле урны. Такси ещё ехало.

— Сверяйте здесь, — сказал он. — Только сначала представьтесь.

Мужчина убрал телефон и потянул резинку на папке. Под ветровкой была рубашка с мелким клетчатым рисунком, на запястье — дешёвые электронные часы с потёртым экраном. Он открыл папку, не вынимая листа.

— Мне нужны копия, которую вам передали, и телефон. Вы снимали. Это всё относится к одному делу, передача дальше не согласована.

— Кем?

— Вот это я как раз предлагаю обсудить в машине. Здесь я не стану произносить фамилии. Вы же сами понимаете, почему вас позвали в закрытый зал.

Он приоткрыл сдвижную дверь фургона. За ней оказался второй ряд сидений, чистый резиновый пол и бутылка воды в сетчатом кармане. Глеб ожидал увидеть кого-нибудь ещё, но в салоне никого не было.

— Условия работы мне меняет заказчик, — сказал он. — Передайте ему, что я на связи.

Мужчина вздохнул и прикрыл папку.

— Я так понимаю, вы уже установили, кто заказчик. Тогда зачем уходите с чужим?

Он произнёс последнее слово без нажима, почти небрежно. Глеб сделал ещё полшага к арке. До стены оставалось достаточно места, чтобы пройти боком, не приближаясь к фургону.

— Речь о бумагах?

— О том, что вам не принадлежит. Вы много спрашивали, вам много ответили. Иногда после этого нужно остаться и выслушать ещё кого-нибудь, а не просто взять своё и уйти.

Глеб вынул телефон левой рукой, не опуская правую с пакетом льда.

— Сейчас позвоню Павлу.

Мужчина не бросился к нему. Он шагнул как-то неудобно, слишком близко поставив одну ногу к другой, и всё же оказался рядом раньше, чем Глеб успел отступить.

Левая рука оказалась прижата к стене. Телефон ударился о кирпич, экран вспыхнул сеткой трещин; боль от большого пальца прошла до локтя. Глеб выпустил пакет, развернулся корпусом, стараясь выдернуть кисть, и ударил противника коленом.

Удар пришёлся хорошо. Он это почувствовал — вес, расстояние, сопротивление под коленной чашечкой. Мужчина не согнулся. Перехватил предплечье Глеба и притянул ближе, так что их лица на секунду оказались рядом.

От него пахло мокрой одеждой, которую слишком долго держали в закрытом пакете.

— Телефон отдайте, — сказал он. — Не надо его давить, он мне нужен рабочий.

Глеб ударил лбом в лицо.

На этот раз хватка ослабла. Он освободил левую руку, выскользнул в сторону улицы, но мужчина поймал его за куртку у плеча и рывком вернул к машине. Дыхание вышибло, когда край открытой двери пришёлся под рёбра.

Глеб упёрся ногой в порог фургона, чтобы не дать затолкать себя внутрь. Телефон вылетел из пальцев и упал под колесо. Папка незнакомца лежала на мокрой брусчатке; резинка съехала, из-под неё торчал угол белого листа.

— Не дёргайтесь, — сказал мужчина, наваливаясь на него. — Вы руку уже повредили, сейчас добавите. Садитесь нормально, никто вас не собирается...

Глеб поймал его локоть, повернул корпус и ушёл вниз, под руку. Правой кистью удерживать не получилось, зато хватило веса: сустав хрустнул, плечо противника ушло вперёд дальше, чем должно было.

Мужчина переместил свободную руку на затылок Глеба.

Вывернутая продолжала держать куртку.

Глеб не успел ничего с этим сделать. Его ударили лицом о резиновый край дверного проёма, затем ещё раз. Второй удар пришёлся по скуле, во рту стало солоно. Он прижал подбородок, закрывая горло, и почувствовал, как пальцы под чужим плечом медленно меняют положение. Сустав возвращался на место, перетираясь у него под ладонью.

На улице за аркой прогудел автомобиль. Глеб попытался крикнуть, но получилось только выдохнуть с кровью.

— Да не лезет он туда, — произнёс мужчина куда-то мимо его головы, хотя в салоне по-прежнему никого не было. — Я сам вижу. Подождите.

В левом ухе у него оказался маленький наушник.

Глеб перестал тянуться наружу. Перенёс вес на ногу, упёртую в порог, и толкнулся в глубину салона. Нападавший подался следом, ослабив нажим на затылок; этого хватило, чтобы Глеб развернулся боком и зацепил здоровой рукой внутреннюю ручку двери.

Он потянул её на себя, одновременно вываливаясь обратно на мостовую.

Сдвижная дверь ударила мужчину в предплечье. Тот повернулся к ней, будто только сейчас заметил, что она мешает; Глеб рванул ручку ещё раз, вложив в движение весь корпус. Металл стукнул о кость. Дверь остановилась, не дойдя до замка.

Глеб отпустил её и побежал вниз по проезду.

К улице он уже не успевал: между ним и аркой стоял фургон, а за спиной со скрежетом открывалась дверь. Внизу светилось служебное окно ресторана. До него было меньше тридцати метров.

Он почти сразу понял, что бежать быстро не может. Слева под рёбрами при каждом шаге что-то цепляло дыхание, здоровая рука тоже болела, и на мокром камне разъезжались подошвы.

Сзади не было топота. Только два коротких скользящих звука, потом возле плеча прошёл воздух.

Глеб успел повернуть к стеклянной галерее. Удар пришёлся в спину, сдвинул его с ног; он влетел боком в стол, выставленный к стене, и вместе с ним упал на ящики. Пластик затрещал. Из оконного проёма посыпались горшки с высохшими пряными травами.

Мужчина в сером наступил на край столешницы, прижав её к ноге Глеба.

— Теперь лежите. Не придётся вас опять ловить.

Он говорил с одышкой. Глебу это почему-то показалось важным — пока тот не нагнулся, взял стол за край и не поднял одной рукой вместе с зацепившимся подстольем. Двое официантов, наверное, с трудом уносили его на зиму.

Между ящиками под боком лежал металлический поднос, под коленом лопнул горшок.

— Чего вам надо? — выговорил он.

— Уже сказал. То, с чем вы вышли. И чтобы дальше вы ничего не предпринимали до разговора.

— Бумаги возьмите. В кармане.

Мужчина посмотрел на его пиджак, который сбился под курткой.

— Достаньте сами.

Глеб шевельнул правой рукой. Нападавший не наклонился помогать, остался стоять вне досягаемости и ждал. Из носа у него текло; в свете кухонного окна жидкость казалась слишком тёмной.

Глеб достал бумаги левой, смял о колено и бросил на мостовую между ними.

— Там адрес. То, что вы хотите.

Мужчина посмотрел вниз, но не нагнулся.

— Вот теперь вставайте. Поговорим в другом месте.

Когда мужчина приблизился, Глеб ударил его ребром подноса по голени. Металл согнулся; противник наступил на него, вырывая из рук.

До тёмной служебной двери оставалось метров пять.

— Пожар! — крикнул он, и крик оборвался болью под рёбрами. — На кухне!

Мужчина обернулся к окну.

— Какой пожар, — сказал он с досадой. — Вы сейчас всех поднимете.

Глеб рванулся к двери. Пальцы прошли по волосам, сдирая кожу над ухом; он ударился плечом о створку и дёрнул ручку.

Заперто.

В стекле рядом отразилась серая ветровка. Глеб прижался к косяку, чтобы не дать зайти за спину, и стал бить в дверь пяткой.

Свет внутри включился.

* * *

Дверь открылась наружу, ударив Глеба по плечу. Он схватился за край здоровой рукой и не дал ей захлопнуться.

— Тамара, пустите.

— Вы что здесь... Господи.

Она попыталась оттянуть его внутрь, но мужчина в сером поймал Глеба за куртку. Ткань впилась под мышки. Глеб вывернулся из одного рукава, упёрся пяткой в каменный порог; напавший потянул сильнее, и молния распоролa ему кожу на шее.

— Уберите руки! — крикнула Тамара. — Я полицию уже вызвала!

Серая рука перехватила ворот. Глеб присел, выскользнул из куртки и завалился внутрь на одно колено, едва не сбив Тамару. Пиджак зацепился за ручку, но порвался; здоровой рукой он ухватил дверцу холодильного шкафа и подтянулся дальше, пока обе ноги не оказались за порогом.

Мужчина остался с курткой в руках.

Глеб ждал, что тот войдёт следом. Дверь стояла нараспашку, до него можно было дотянуться за один шаг. Тамара, увидев кровь, отступила к столу и оставила проход свободным.

Но мужчина опустил куртку на камень и сказал:

— Он упал. Я хотел довести его до машины, а он перепугался. Посмотрите на него, он же плохо соображает.

— Не ходите к нему, — сказал Глеб.

Воздуха не хватало даже на эти слова. Он попытался выпрямиться и не смог, остался стоять боком, опираясь бедром о шкаф.

Тамара оглянулась на него.

— Никуда я не хожу. Вы дверь отпустите, я закрою.

Глеб только теперь обнаружил, что всё ещё держит край створки, готовясь принять удар. Он убрал руку.

Снаружи мужчина переместился на полшага вбок, туда, где проём был шире. Тамара потянула дверь, и Глеб приготовился помочь, но её ничто не остановило. Замок щёлкнул.

Тамара повернула вертушку. Лишь после этого отступила от двери.

— Сюда садитесь. На ящик не надо, он пустой, развалится. Вот на этот стул.

Глеб дошёл до стула, держась за столешницу. В кухне было тепло и пахло моющим средством. На подносе у стены стояли испечённые коржи, прикрытые полотенцем; ближе к двери лежала пластиковая щётка, которой сметали муку.

Тамара сняла трубку с настенного телефона.

— У нас напали на человека. Ресторан «Причал», служебный двор, со стороны... Да, на набережной. Нужна полиция и скорая, он весь в крови.

Она продиктовала адрес, закрыла нижнюю часть трубки ладонью.

— Вас ножом?

— Нет. Руками. Головой об машину.

Сказать «не ножом» оказалось легче всего. Глеб попробовал разжать левую кисть: пальцы двигались, но большой резко заболел. Правая лежала на бедре, распухшая, в известковой пыли и земле.

— Дышит, разговаривает, — сообщила Тамара. — Но вы не думайте, что раз разговаривает, можно не ехать. У нас один кондитер тоже разговаривал, пока его не увезли... Хорошо. Да, рядом буду.

Она положила трубку и только тогда прислонилась спиной к столу.

— Я сказала ему, что вызвала, а сама не вызвала. Телефон на зарядке в гардеробе оставила. Подумала, может, уйдёт.

В дверь постучали.

Тамара вздрогнула, посмотрела на Глеба и не ответила.

— Вы меня неправильно поняли, — донеслось снаружи. — Он у меня вещи забрал. Я не собираюсь с ним драться, мне нужно получить своё.

Тамара подошла к телефону снова.

— Вот при полиции и получите, — сказала она двери. — Там объясните, почему у него лицо разбито.

Глеб смотрел на нижний край створки. Под ним падала на плитку тонкая полоска уличного света. В проезде стоял человек, способный поднять стол одной рукой. Здесь его отделяла от них обычная дверь, которую Глеб продавил бы плечом, будь целы руки.

— Не открывайте, — сказал он.

— Да поняла я.

Она вернулась к столу, но трубку положила возле себя, не на аппарат. Потом открыла холодильник и достала бутылку воды.

— Пить пока не надо, вон у вас губа. Сполосните, только не глотайте. Раковина здесь.

Глеб наклонился над металлом. Розовая вода пошла к сливу; один зуб больно отозвался на холод, но языком он ощупал все, и все остались на месте. Над раковиной висело маленькое зеркало. На скуле расплзалась припухлость, вдоль шеи тянулась красная полоса, над ухом волосы слиплись от крови.

Он вытер рот бумажным полотенцем.

— Почему он не вошёл?

Тамара оглянулась на дверь.

— Я не пригласила.

Она сказала это сердито, почти рассеянно, и принялась искать чистую салфетку.

— Я серьёзно, — сказал Глеб.

— Я тоже. Вы хотите, чтобы я рассуждала, что у него в голове? Он здоровый мужик, вы здоровый мужик, один другого чуть не убил. Мне после смены хочется вообще больше никого не впускать.

В зале скрипнул стул. Глеб повернул голову и сразу пожалел об этом: боль прошла от шеи к лопатке.

— Кто ещё здесь?

— Игорь, администратор. Документы закрывает. Ребята на кухне уже уехали. Я бы тоже уехала, если бы вы все не решили именно сегодня...

Она не закончила. Из коридора появился худой мужчина в рубашке с подвёрнутыми рукавами.

— Что у вас? Там у парадного кто-то ходит.

Тамара схватила его за локоть.

— Не открывай. Вызвали полицию, этого человека избили. Он здесь посидит, а ты закрой вход. Только не выходи к нему, Игорь.

Администратор посмотрел на Глеба и перестал поправлять рукав.

— У нас камеры пишут. Я сейчас охрану наберу.

— А переднюю дверь закрыли? — спросил Глеб.

— Да. Все ушли, я закрыл. Вы же через парадный выходили.

— Проверьте изнутри. И запись сохраните, двор тоже. Не только вход.

Администратор задержал на нём взгляд.

— Вы со следствия?

— Нет. Меня только что били у вашей галереи. Я хотел бы, чтобы это сохранилось.

Игорь кивнул и пошёл обратно, на ходу набирая номер.

* * *

Телефон Глеба остался наверху, возле фургона. Там же могли лежать бумаги; он бросил их ниже, у галереи, но неизвестно, подобрал ли их нападавший. На снимках в его телефоне были и договор, и адрес Марины. Блокировка стояла, хотя сейчас Глеб не был уверен, успел ли экран погаснуть перед первым ударом.

Он попросил у Тамары мобильный. Она принесла его из гардероба и протянула, заранее предупредив, что зарядки осталось восемнадцать процентов.

Номер Павла Ильича он не помнил. Свой помнил, но звонок туда мог только сообщить тому, кто держал аппарат, что Глеб ещё здесь. Номер Варвары остался в переписке, вместе со всем прочим.

Глеб вернул телефон.

— Спасибо. Мне нужен был контакт, которого у меня нет.

Тамара положила аппарат на стол экраном вверх.

— Если вспомните — берите. Только родственникам не надо говорить «всё хорошо». Они потом всё равно приедут и увидят, что не хорошо. А я буду виновата, что подтвердила.

— Вы часто это делаете?

— Что?

— Подтверждаете.

Она села на второй стул, осторожно отодвигая с него фартук.

— Муж заготовщика. Жена бармена. Один раз мать нашего директора. Люди выпьют, падают, мы их собираем. Вы хоть трезвый, уже легче. Не вам, нам.

У Глеба дёрнулся угол рта, и он сразу прижал к губе салфетку. Тамара посмотрела на часы над плитой.

— Пять минут прошло. У них, наверное, вызовов полно.

В кухне стало слышно, как переключается холодильник. С улицы донёсся шум двигателя, потом ещё одного. Глеб попробовал глубже вдохнуть и остановился на половине вдоха.

В спарринге такой захват выключил бы руку. Здесь он только помог Глебу выскользнуть из дверей фургона. Он ударил ещё раз, ждал, что противник хотя бы сойдёт с дыхания, и увидел, как тот спокойно переставляет ногу. Глеб отступил к освещённому входу.

Тамара потянулась поправить слипшиеся волосы у него над ухом. Он перехватил её запястье раньше, чем понял, что делает.

Она замерла.

— Извините, — сказал Глеб и сразу отпустил. — Не надо пока.

— Ладно. Я просто посмотреть хотела, откуда течёт.

Она убрала руки на колени. Глеб посмотрел на красные следы своих пальцев на её коже.

— Сильно?

— Нет. Сидите уже.

Из зала вернулся Игорь.

— У парадного женщина. Говорит, к вам. Варвара какая-то, фамилию не расслышал, через стекло... Я не открыл.

— Ланская, — сказал Глеб.

— Да, вроде. И таксист там ругается. Что вы не выходите, телефон недоступен, а подъехать ближе нельзя.

Глеб провёл ладонью по лбу. Всё это время такси ждало его наверху, за аркой.

— Пусть женщина позвонит Павлу Ильичу. Тому, который был с Вересовым. Вы его знаете?

— Знаю. Он мне за пол обещал связаться.

— Возьмите у него подтверждение. И скажите водителю, что со мной произошло, он не виноват, я оплачу ожидание.

Игорь ушёл, недовольно оглянувшись на служебную дверь.

Минуты через три из зала слышались голоса. Женщина шла быстро, разговаривая на ходу:

— Я услышала, что заперт. Не надо открывать двор, я сама туда не собираюсь. Мне нужно увидеть человека, с которым он говорил.

В кухню вошла женщина в тёмном плаще, с мягкой кожаной сумкой через плечо. Волосы были собраны кое-как; на переносице остался след от очков, которые она держала в руке. Она посмотрела на Глеба, затем на Тамару.

— Скорую вызвали?

— Едут, — ответила Тамара. — Вы врач?

— Нет. Ланская, — сказала женщина Глебу. — Павел просил меня поговорить с вами.

— Вы опоздали.

Она сдвинула брови.

— Мне полчаса объясняли, что приезжать нельзя. Потом прислали фотографию текста без нижней части. Я приехала, когда смогла. Если вы хотите сейчас обсудить, как следовало организовать эту встречу, у меня тоже есть замечания.

Глеб посмотрел на её сумку, на мокрый край плаща. Она не выглядела человеком, который знает, что ему сейчас сказать для успокоения. Это было к лучшему.

— Простите. Я не вам.

Варвара поставила сумку на стол, но очки не убрала.

— Савелий?

— Нет. Другой. Серый, ветровка. Пытался увезти в белом фургоне, хотел документы и телефон. Руку я ему...

Глеб не закончил. Он помнил, как она двигалась, и мог описать это точнее, но от одной попытки стало трудно глотать.

Варвара посмотрела на салфетку у него на колене.

— Что он назвал своим?

— Он не представился, если вы об этом.

— Я не об этом. Он требовал вещь, человека, обещание? Вспомните слова, без перевода на нормальный язык. Хотя бы те, которые повторял.

Глеб закрыл глаза. «То, что вам не принадлежит». «Иногда нужно остаться». «В другом месте». Голос в наушнике он не слышал.

— То, с чем я вышел, — сказал он. — Бумаги я бросил. Ему этого не хватило.

Варвара положила очки на стол.

— Похоже на взыскателя. Но по этому описанию я не скажу, кто его послал и что именно он взыскивал.

— По какому долгу? Я час назад этих людей не знал.

— Это пока не означает, что долг ваш. И не означает, что требование законно. Он пытался заставить вас что-нибудь признать?

— Он пытался засунуть меня в машину. Получалось у него лучше, чем разговаривать. Тамара встала, услышав шум в зале.

— Кажется, приехали.

Глеб протянул ей телефон, который снова оказался у него в руке.

— Спасибо. И за дверь тоже.

Она взяла аппарат, отодвинула от края стола окровавленные салфетки и вышла встречать бригаду.

Варвара отступила, освобождая проход. Из зала уже неслись распоряжения, вопрос про возраст, ответ Тамары: «Да я откуда знаю, взрослый». Глеб хотел встать, но Варвара указала на стул.

— Лучше пусть сами скажут, как вас поднимать.

— Вы знали, что он не войдёт?

Она посмотрела на служебную дверь, потом снова на него.

— Я не видела, что было у порога. Сначала расскажете, кто вас впустил и что сказал. И кто из вас первым...

Фельдшер вошёл с сумкой, отодвинул её локтем, извинился и присел перед Глебом. Он был молод, с усталым красным лицом; на левой щеке отпечаталась складка воротника.

— Так. Кто здесь пострадавший, я вижу. Остальные дадут поговорить? Как зовут, что случилось и сколько времени прошло?

Глеб ответил. Про мужчину, фургон, удар о дверь; про кисть пришлось отдельно объяснять, что это случилось раньше. Фельдшер не спорил, только попросил пока не помогать ему ставить диагноз и расстегнуть рубашку.

Игорь появился в дверях кухни с планшетом.

— Я сохранил, — сказал он. — У арки машину видно хорошо. Во дворе хуже, но тоже видно, как он за вами идёт. Только вот это я не понял.

На экране была галерея. Глеб видел себя у перевёрнутого стола, видел тёмную фигуру, потом — служебную дверь, резко выбросившую в проезд прямоугольник света. Он не стал смотреть, как его тянут за куртку.

Игорь передвинул запись дальше.

— Вот. Уже после того, как вы вошли.

Мужчина в сером стоял возле закрытой двери. Несколько секунд смотрел на неё, потом прижал палец к уху. Отошёл к галерее, нагнулся и поднял бумаги, которые Глеб бросил на мостовую.

Он не забрал их сразу. Разложил на уцелевшем столе, разгладил ладонью и снял на телефон. Одну страницу, вторую, затем перевернул перевод.

Там был адрес.

Глеб подался к экрану, и фельдшер удержал его ладонью за плечо.

— Не крутитесь. Дышать больно где именно?

Глеб показал. Дождался, пока его отпустят, и повернулся к Варваре.

— Позвоните Павлу. Пусть ищет телефон Марины Вересовой, первой жены. Лесогорск, Садовая, восемнадцать. Он знает про судебное решение, начнёт оттуда.

Варвара уже доставала телефон.

— Что ей передать?

Глеб снова посмотрел на запись. Человек, которого не удалось остановить ни одним ударом, аккуратно сложил листы и убрал их в свою папку. Прежде чем уйти, поднял с камня куртку Глеба и проверил карманы.

— Сначала выясните, где она сейчас. И если найдёте — пусть не открывает дверь никому от имени Андрея. Даже если будут знать про сына.

Фельдшер обмотал манжету вокруг его плеча. Варвара отошла к окну звонить; Глеб сидел, не двигаясь, пока Игорь на планшете возвращал запись назад, чтобы сохранить ещё и момент у фургона.

Глава третья. На каких условиях

Полицейский попросил Глеба назвать адрес, по которому тот проживает, и долго не мог записать номер квартиры: ручка писала только в одном положении, а на колене это положение не удерживалось.

Тамара принесла ему поднос. Тот поблагодарил, положил на него бланк и снова спросил про квартиру.

Глеб повторил.

Второй сотрудник полиции ушёл с Игорем к арке; фургон уехал, телефон пока не нашли. Перевернутый стол оставили как лежал — Тамара дважды напомнила об этом кому-то из утренней смены.

— Телефон у вас забрали? — спросил полицейский.

— Он упал у машины. Я его не подбирал. Забрал нападавший или нет, не видел.

— А документы?

— Копии. Отдал, когда он потребовал.

Полицейский перестал писать.

— То есть добровольно?

Фельдшер поднял голову. Глеб ответил:

— Перед этим меня несколько раз ударили и пытались затолкать в фургон. Потом я бросил бумаги. Если вам нужен ответ одним словом, я его сейчас не дам.

— Мне не одним словом. Мне последовательность нужна. Я здесь не был.

Полицейский перевернул бланк и попросил рассказывать с выхода из ресторана. Не перебивал до вывернутого плеча — уточнил, мог ли Глеб ошибиться насчёт сустава.

— Мог, — сказал Глеб. — Он продолжал держать меня этой рукой. Это я помню точно.

Ручка снова отказалась писать. Полицейский провёл ею по краю листа, оставив три бледные полосы.

— Как вас тащат, на записи видно. Номер посмотрят. Вы в больницу поедете?

— Поедет, — ответил фельдшер. — Только вы адрес закончите, пожалуйста. У нас следующие адреса тоже есть.

Варвара стояла у мойки, вполголоса разговаривая с Павлом. Из её реплик Глеб услышал только «не адрес регистрации» и «нужен человек, которому она сама ответит». Она закончила звонок и вернулась к столу.

— Павел ищет номер через тех, кто обслуживал её дом. Последние документы старые, нужно выяснить, кто там работает сейчас.

— Он сказал ей про нападение?

— Пока некому говорить. Домашний не отвечает.

Глеб потянулся к нагрудному карману, вспомнил про телефон и убрал руку. Варвара следила за этим движением.

— Я буду звонить ещё. Вы сначала доедете с врачами.

Полицейский закончил запись, прочёл её вслух. Про бумаги осталось «передал по требованию после нанесения ударов». Глеб поправил время, попросил записать, что нападавший знал его фамилию, и расписался левой рукой. Подпись вышла похожей на скомканную нитку.

Полицейский убрал бланк, забрал у Игоря контакт для записи с камер и дал Глебу номер дежурной части. Варвара сфотографировала его на свой телефон, прежде чем листок отправился в карман Глеба.

— Машину мою тоже посмотрите, пожалуйста, — сказал тот. — Серый седан, наверху, после арки. Я до неё не дошёл.

— Что с ней может быть?

— Не знаю. Я потому и прошу посмотреть.

Полицейский кивнул и вышел. Фельдшер отправился за напарником, наказав Глебу не вставать без него.

Тамара забрала поднос, провела пальцем по чернильным полосам на его краю и убрала под стол.

— Вот теперь его тоже в мойку. Это у нас какой-то вечер инвентаризации наоборот.

Она потянулась за стулом, на котором сидела, но Варвара попросила её задержаться.

— Мне нужно понять, как вы впустили Глеба. Можете вспомнить, что сказали?

— Что сказала, когда? Я вообще много чего сегодня сказала, некоторые вещи лучше не повторять.

— Когда открыли служебную дверь.

Тамара посмотрела на Глеба.

— Он попросил пустить. Я увидела кровь и взялась его тащить, потом этот потянул с другой стороны. Ему я сказала руки убрать. Он, кстати, не убрал.

— А с Глебом вы до этого разговаривали? Он был для вас посетителем, человеком из закрытого зала?

— Конечно, разговаривали. Я ему ещё пирожное дала. Вы думаете, я на незнакомого человека дверь бы не открыла, если бы его так...

— Нет, я не это пытаюсь выяснить.

— Тогда скажите нормально, что.

Варвара поправила съехавшую сумку.

— Почему тот, кто был снаружи, не пошёл за ним. Он мог сломать дверь. Не стал даже мешать вам её закрыть.

Тамара посмотрела на дверь, как будто в ней за последние минуты могло появиться объяснение.

— Я ему сказала про полицию. Может, поэтому.

— Может, — согласилась Варвара. — Больше он ничего не говорил? Не просил выйти, помочь донести Глеба, поддержать что-нибудь?

— Говорил, что вещи у него украли. Пусть при полиции получают, я так и сказала. За вещами пришёл, а человеку голову разбил. У вас к нему какие-то вопросы другие есть? Вы можете их следователю передать, я уже там всё объясню.

Глеб посмотрел на Варвару. Она достала блокнот, но не открыла.

— Вы правы. Спасибо.

Тамара ушла к телефону. Глеб дождался, пока за её спиной качнётся дверь коридора.

— Если бы он испугался полиции, ему не требовалось стоять под камерой и фотографировать мои бумаги. Снять номер с машины он успел бы, а лицо — вряд ли.

— Я тоже не думаю, что дело в полиции.

— Тогда почему вы её мучаете?

Варвара положила блокнот обратно.

— Потому что вы видели, что он не вошёл, и я видела запись. Но запись не говорит, почему. А мне нельзя посоветовать вам прятаться за любой дверью только потому, что за одной получилось.

Глеб провёл языком по разбитой губе и откинулся на спинку, выбирая положение, в котором было легче дышать.

— Хорошо. Что вы можете сказать про эту?

Варвара оглядела кухню. Вдоль одной стены тянулась старая кирпичная кладка, выкрашенная белым; у мойки она заканчивалась, дальше шла гладкая панель с розетками и небольшим служебным окном.

— Где раньше кончалось здание, знаете?

— Я здесь впервые.

Она позвала Игоря. Тот уже нёс к выходу сумку, но остановился, услышав вопрос про стену.

— У мойки. Это мы расширились, я ещё до открытия пришёл, всё помню. Что-то задели, когда стол уронили?

— Нет. Можно ненадолго зажечь свечу на стальном блюде? Здесь, на столе.

Игорь посмотрел на неё, потом на Глеба.

— Восковую?

— Да.

— Если мне сейчас и пожарную вызывать, я уже не...

— Не понадобится, — сказала Варвара. — Я сразу погашу.

Она достала из внутреннего кармана сумки маленький жестяной футляр. В нём лежал огарок серого воска, обёрнутый полоской льняной ткани. Фитиль был чёрным и приплюснутым.

Глеб посмотрел на неё внимательнее.

— Это что?

— Свеча свидетеля. Если здесь остаётся действующий спор, который место признаёт, она будет гореть. Если нет — не будет. Кто прав, она не показывает.

— То есть если я сейчас начну спорить с Игорем о счёте...

— Дайте сначала проверить. Потом будем спорить о том, что это значит.

Игорь принёс блюдо из нержавеющей стали. Варвара поставила на него огарок, поднесла обычную зажигалку. Фитиль занялся не сразу, зато пламя быстро выпрямилось, вытянулось узким жёлтым язычком и замерло.

Воск потёк сразу с двух сторон. Глеб смотрел, как огарок оседает на блюдо; за несколько секунд он стал заметно ниже.

Глеб указал на дальний край стола, за линию старой кладки. Варвара подвинула туда блюдо. Пламя исчезло. Ни колебания, ни дыма — остался светящийся кончик фитиля, который тоже быстро погас.

— Вы её чем-то закрыли? — спросил Глеб.

— Нет.

Он протянул левую руку.

Варвара не дала ему блюдо, но поставила его ближе.

— За край можно. Дно горячее.

Глеб повернул блюдо. Ровный металл, несколько царапин, заводское клеймо. Игорь стоял рядом, не понимая, то ли убирать, то ли ждать.

— Вентиляция, — сказал он. — Тут тянет всегда, от окна к вытяжке.

Глеб попросил у Варвары зажигалку. Большой палец левой руки отозвался болью, когда он нажал на рычажок, но колёсико удалось прокрутить. Пламя зажигалки стояло ровно. Он подержал его у фитиля; воск размягчился, фитиль обуглился, но сам не загорелся.

Глеб передвинул блюдо на прежнее место, не меняя ни его положения, ни своей руки. На этот раз фитиль занялся, едва он поднёс огонь.

— Хватит, — сказала Варвара и накрыла свечу крышкой футляра.

— Я ещё раз.

— Там осталось на один раз. Сегодня может понадобиться там, где никто нас не впустит просто потому, что увидел кровь.

Она подождала, пока остынет металл, и завернула то, что осталось от огарка. Глеб смотрел на границу кирпича и гладкой панели.

— Проверим дверь и приглашение по отдельности.

— Свеча этого не доказывает, — сказала Варвара. — Зато пристройка не признаёт того, что признаёт старая часть. У нас есть место для проверки и человек, который вас сюда впустил. Остальное придётся выяснять.

Игорь забрал блюдо.

— А его можно мыть?

— Можно, — сказала Варвара.

Он не ушёл.

— И ресторан завтра открывать можно?

Она посмотрела на него уже без прежней сосредоточенности.

— Про свечу — да. Про разбитый двор решайте с полицией и управляющим. И не принимайте сегодня от незнакомых людей ничего для Глеба. Даже если будут говорить, что забыли передать.

Игорь убрал блюдо в раковину и вернулся к запертой двери проверить ручку.

* * *

В машину скорой Глеб поднялся с чужой помощью. Это оказалось хуже, чем идти по кухне: ступень была высокой, тянуться правой рукой нельзя, а упираться левой больно. Фельдшер просто подставил плечо и дождался, пока он перестанет выбирать способ, в котором ещё мог бы выглядеть самостоятельным.

Варвара осталась снаружи.

— Поеду за вами. Павлу сообщу, куда вас везут.

Глеб хотел попросить её заняться Мариной, а не им, но Варвара уже читала новое сообщение.

— Нашли мобильный, — сказала она. — Через женщину, которая занималась ремонтом дома. Номер действующий, ответа пока нет. Он отправил сообщение, что с ней свяжутся.

— Кто?

— Мы. Я уточню.

Фельдшер закрыл дверь, прежде чем Глеб успел ещё что-нибудь спросить.

В салоне пахло пластиком и чужой одеждой. На кочке у выезда с набережной Глеб придержал левый бок; фельдшер посмотрел на него и сказал водителю, чтобы объехал ремонт у моста.

— Воды хотите?

— Нет. Телефон одолжите на минуту?

— Я за рулём не разговариваю, — отозвался водитель из кабины, хотя просили не его. — Тут и без телефона всё время кто-то внезапно становится главным.

Фельдшер передал свой аппарат. Через знакомого в банке Глеб попросил приостановить доступ с потерянного телефона. С оператором связи вышло дольше: меню, два объяснения про утраченную SIM-карту, ожидание. К приезду он успел только оставить заявку.

У приёмного отделения стоял мужчина в домашних тапочках, поверх спортивных брюк накинувший дорожное пальто. Он держал прозрачный пакет с одной туфлей. Вторая, должно быть, оставалась на пострадавшем, которого везли перед Глебом.

Тот уступил дорогу каталке и спросил фельдшера, не видели ли здесь женские очки.

— Чёрные, с такими... В общем, обычные. Без них она не прочтёт, что ей дадут подписывать.

Следующий час состоял из чужих рук, белого света и необходимости каждый раз рассказывать заново, куда именно пришёлся удар. У рубашки отрезали кусок рукава, потому что снять её через распухшую кисть оказалось невозможно. Глеб хотел возразить, увидел ножницы, которыми медсестра уже подцепила ткань, и спросил только, нельзя ли сохранить карман.

— Можно, — сказала она. — Только зачем?

— Там ключи.

Медсестра достала их сама и положила на стол перед ним.

На снимке кисти обнаружился перелом. Врач показал на снимке тонкую неровную линию. Левую руку тоже осмотрели; пока с ней обошлось без такой находки. Потом пришлось ждать обследования головы и грудной клетки.

Варвара нашла его в коридоре, когда он сидел, прижав к коленям пакет с разрезанной рубашкой. Вместо неё на нём была больничная одноразовая сорочка, завязывавшаяся сзади, и собственный пиджак с оторванным краем подкладки.

— Номер Марины занят, — сказала она. — До этого не отвечал. Павел ей написал, чтобы перезвонила ему или переговорщику, с которым он работал сегодня. Ваш контакт отправил раньше, чем узнал, что у вас забрали телефон. Я попросила его немедленно уточнить сообщение. На мой номер она пока не ответила.

— Его не забрали при мне. Он мог остаться под колесом.

— Мог. Но нашли бы — Игорь уже сообщил.

Глеб потянулся за пакетом, который соскальзывал с коленей.

— Я оставил заявку на блокировку.

— Павел предупредил её отдельным сообщением про ваш телефон. И про опасность. Дозвониться пытается.

Она села рядом, оставив между ними место для сумки. У неё на пальцах оставалась серая полоска воска; Варвара заметила, что Глеб смотрит, и счистила её ногтем.

— Сколько таких, как этот?

— В смысле — способных вернуть плечо на место?

— В смысле — способных затолкать меня в машину, пока я делаю всё, что должно им мешать.

Варвара некоторое время смотрела на закрытую дверь кабинета.

— Достаточно, чтобы не пытаться решить это ещё одним приёмом. Но недостаточно, чтобы любой человек в сером стал для вас чудовищем. Я не знаю, кто именно был во дворе. Мне нужно посмотреть запись целиком, не на планшете через ваше плечо.

— У вас нет какого-нибудь списка? Реестра? Фамилии, особые приметы, какой сустав в какую сторону гнётся?

Она повернулась к нему.

— Есть записи о сторонах старых соглашений. Кто имел право прохода, кто свидетельствовал, кто за что отвечал. Иногда там можно найти и того, кто приходит за исполнением. Но описание «мужчина, который сильно бьёт» поиск не очень сужает.

Глеб кивнул. За дверью что-то уронили в металлический лоток, потом женщина засмеялась и тут же притихла.

— Вы работаете в архиве?

— С архивом. Я историк права, ещё занимаюсь языком документов. В основном теми, в которых современный перевод делает людей слишком уверенными.

— Как у Вересова.

— У него уверенность появилась раньше перевода.

Она сказала это без улыбки, всё ещё разглядывая воск на пальце. Потом достала из сумки распечатку.

— Вот что мне прислали. Нижнего поля нет. Оттиск обрезан, оборот не снят. По такому изображению можно найти вопросы, но нельзя обещать человеку, что за него всё решили. Павел этого не обещал. Андрей Викторович очень хотел.

Глеб не взял лист.

— И вы всё равно приехали.

— Мне сообщили, что по этому тексту забирают человека. Я хотела увидеть основание. Теперь ещё и кто-то пользуется этой историей, чтобы напасть на вас.

— Вы считаете, это разные люди?

— Я не знаю, одна ли у них сторона. Савелий приостановил требование к Денису. Вы ни разу не сказали, что он обещал вам безопасность. Это неприятная разница, но она есть.

Глеб вспомнил, как оставил между ними слово «ваших» и счёл, что получил достаточно. Для Дениса, возможно, получил. У собственного выхода из ресторана он не остановился даже на минуту.

— Этот приходил как сотрудник Вересова, — сказал он. — Сначала. Потом оказалось, что я должен вернуть то, с чем вышел. Если у него было законное требование, зачем прятать, чьё оно?

Варвара убрала распечатку.

— Вот это и нужно выяснить. Начнём с того, на кого оформлен фургон.

— Но корень в ресторане был законным? — спросил Глеб.

— Он был действующим. Вы ведь сами показали, что его применили не к тому человеку.

Глеб повернул голову. Варвара продолжала спокойно, не дожидаясь, когда он согласится:

— Савелий ошибся. Или ему помогли. Сила у него осталась, основание удерживать Дениса вы отняли.

— На время проверки.

— Да. Поэтому я сижу здесь с телефоном, а не поздравляю вас.

Телефон зазвонил у неё в руке. Глеб выпрямился, но Варвара, посмотрев на экран, покачала головой и ответила Павлу.

В судебном решении, которое тот наконец нашёл, Марина была заявительницей. Адрес совпадал с написанным Вересовым. Павел получил только первые страницы, приложения хранились отдельно; Варвара попросила дослать весь комплект и повторила, что сейчас важнее дозвониться до живого человека.

— Что он сказал? — спросил Глеб, когда разговор закончился.

— Номер снова не отвечает. Он будет пробовать через знакомую Марины. У полиции по тому адресу тоже просили проверить, всё ли в порядке, но результата пока нет.

Глеб посмотрел на дверь кабинета. Его фамилию всё ещё не называли.

— Лесогорск далеко?

— Меньше часа ночью. Сначала получите заключение.

— Вы умеете это говорить так, будто у вас есть право меня не выпускать.

Варвара откинулась на спинку.

— Нет. У меня есть машина, и я не хочу, чтобы вы в ней потеряли сознание. Вы можете уехать с кем-то другим, если это кажется вам контролем.

Глеб некоторое время смотрел на свои ключи, лежавшие поверх пакета. Потом убрал их в карман пиджака.

* * *

Из кабинета он вышел с зафиксированной кистью и списком рекомендаций, который пришлось попросить Варвару сложить. Врач не нашёл причины для срочной госпитализации, но отпускал без удовольствия: повторил, когда возвращаться немедленно, назначил осмотр травматолога и отдельно спросил, не собирается ли пациент сесть за руль.

— Не собирается, — сказал Глеб.

— Это вы про себя в третьем лице или надеетесь, что женщина запомнит лучше?

— Про себя.

В коридоре уже меняли перегоревшую лампу. Мужчина с туфлей сидел в том же кресле, только рядом с ним теперь стояла женщина в одинаковых больничных бахилах. Найденные очки были у неё на носу.

Варвара принесла Глебу воду. Он отпил, придерживая бутылку левой ладонью, и попросил её ещё раз открыть номер дежурной части: нужно было сообщить, куда его увезли, и уточнить про телефон.

Аппарат нашли. Он лежал под стеной у арки, экран был разбит, задняя крышка отделилась. Глеб попросил сохранить его вместе с остальными следами нападения и сообщил номер, по которому можно связаться через Варвару. Она не возражала, только дождалась конца разговора и спросила, остаётся ли доступ к его номеру у самого телефона или зависит от того, что из него вынули.

— От SIM-карты, — сказал Глеб.

Он снова набрал оператора. Пока ждал соединения, Варвара отправила Павлу ещё одно сообщение.

На этот раз блокировку подтвердили. Глеб вернул ей телефон, а она убрала его в карман так, будто каждую минуту ожидала нового звонка.

У выхода из отделения Глеб остановился. За стеклом водитель курил возле машины, две женщины искали в пакете документы, дежурный поправлял сбившийся коврик. Двери раскрывались перед каждым, кто подходил достаточно близко.

— Если всё дело в приглашении, здесь пройти может кто угодно.

Варвара тоже остановилась.

— Не всё дело в приглашении. Вы хотите, чтобы я одним правилом объяснила кухню, больницу и то, почему вам разбили голову у машины. Так не получится.

— Мне нужно хотя бы одно место, где это не повторится.

— Мне тоже. Павел ищет документы на «Причал». А здесь у дверей дежурит охрана — старые обязательства не остановят обычного человека с ножом.

Глеб постоял, пропуская женщину с ребёнком, затем пошёл рядом с Варварой к стоянке.

До её машины было недалеко. Она открыла пассажирскую дверь и убрала с сиденья стопку книг, скреплённую ремнём. Глеб сел осторожно, оставив правую руку на коленях. Потянуть ремень безопасности через грудь не удалось с первого раза; Варвара наклонилась помочь, и он задержал дыхание, пока её рукав проходил возле больного бока.

— Здесь цепляется за край, — сказала она, освобождая ленту. — Если дёргать, потом вообще не отдаёт.

— Я не дёргаю.

Она ничего не ответила, только подняла на него глаза и защёлкнула замок.

Когда Варвара села за руль, Глеб попросил минуту не заводить.

— Вы называете всё это обязательствами. Старый текст, корень, дверь, свечу. Кто заставляет исполнять?

Она положила ключи перед собой.

— Место, люди, те, кто платит цену и пользуется правом. Иногда нанятый исполнитель. Единого начальника, которому можно пожаловаться, нет.

— А название есть?

— Ряд. И отдельное действующее соглашение так называют, и весь порядок. Но если кто-то скажет вам «таков Ряд», всё равно спрашивайте, какой именно. И на кого он распространяется.

Глеб посмотрел в боковое зеркало. В нём отражалась освещённая дверь приёмного отделения; никто не шёл за ними.

— Чтобы камень пропускал дерево, нужно просто достаточно долго считать, что он должен?

— Нет. Иначе я давно убедила бы свою машину не ломаться. Нужны признанные условия, цена и тот, кто свидетельствует и продолжает исполнять обязательство.

Она завела двигатель и включила обдув лобового стекла.

— У ресторана могло сохраниться право принимать людей под защиту. Тамара вас накормила, впустила и стала защищать. Если место признаёт такой приём, перед незванным преследователем возникает настоящая граница. Срок и предел этой защиты нам ещё предстоит узнать.

— А если бы она открыла ему тоже?

— Мы бы обсуждали другой исход.

Глеб поправил руку на коленях.

— Вы сказали: могло сохраниться. Ресторан новый.

— Дом старый. Проверю, что в нём было до склада.

Он посмотрел на сумку у её ног.

— Такая свеча дорого стоит?

— Эту мне придётся заменить. Но вам сейчас нужна не свеча.

— Что тогда?

Варвара повернула регулятор печки.

— Способ не оставаться с ним один на один. Пока другого у нас нет.

Она сказала «у нас» и, кажется, заметила это одновременно с Глебом. Он не стал поправлять.

Телефон зазвонил на панели.

Варвара ответила, назвала себя, послушала и протянула аппарат Глебу.

— Марина.

Женщина на другом конце попросила не включать громкую связь. Глеб приложил телефон к левому уху.

— Северин. Вы получили сообщение Павла?

— Я получила несколько. Вы с Андреем работаете?

У неё был низкий, чуть осипший голос. На заднем плане что-то негромко гудело, и Глеб сначала принял это за телевизор.

— Он пригласил меня на переговоры сегодня ночью. После них на меня напали. У нападавшего оказался адрес на Садовой. Я хочу выяснить, вы сейчас там?

— Андрей и раньше знал этот адрес. Если вы решили меня этим удивить...

— Я не пытаюсь. Человек, который напал, получил его от меня. На бумаге, которую я вынес из ресторана. Возможно, он уже отправил кому-то копию.

Она помолчала.

— Вы ему отдали?

— Да. Мне не удалось остановить его.

В трубке щёлкнуло, потом шум стал громче. Глеб прижал телефон плотнее.

— Марина Сергеевна, вы дома?

— Нет. Я еду. Как мы и договорились.

Глеб не сразу ответил. Варвара смотрела на него, не выезжая с парковочного места.

— С кем договорились?

— С вами. Минут сорок назад. Павел прислал ваш номер, я позвонила. Потом перезвонили, сказали, что за мной подъедут. Человек назвал фамилию, показал, кому звонит. Я не села к первому встречному, если вы об этом.

Глеб положил свободную руку на панель, не заметив, что это правая, и сразу убрал её.

— Послушайте меня. Я сейчас с женщиной, чей номер вам прислал Павел позже. Мой телефон нашли разбитым. До этого номер мог быть у того, кто на меня напал. Машину я к вам не посылал.

Варвара медленно сняла машину с ручного тормоза.

На другом конце женщина молчала. Гул оказался шумом шин; Глеб различил щелчок указателя поворота.

— Не объясняйте водителю наш разговор, — сказал он. — Вам можно сейчас ответить только на один вопрос: есть возможность прислать, где вы находитесь?

— Я поняла, — произнесла Марина обычным голосом. — Сейчас посмотрю в сообщении.

Связь не оборвалась. Он слышал, как она возится с телефоном, затем на аппарате Варвары появилось уведомление об открытом доступе к её геопозиции. Точка на карте стояла на дороге между Лесогорском и Велеградом, возле развязки у старого элеватора.

Глеб показал экран Варваре. Она включила маршрут и выехала со стоянки.

— Не выходите посреди дороги, — сказал он Марине. — Если будет людное место, заправка, попросите остановиться. Но не спорьте с ним и не говорите, что мы...

— Я слышу, — ответила она.

Глеб замолчал.

В трубке отодвинулось что-то мягкое. Потом Марина сказала уже не ему:

— Остановите, пожалуйста. Меня укачало. Вон там свет, можно у магазина.

Мужской голос ответил слишком тихо, чтобы разобрать. Шум мотора изменился. Глеб смотрел на точку, ожидая, что она замедлится возле значка заправки.

Машина свернула раньше, на съезд к промышленной зоне.

— Не здесь, — сказала Марина. — Я попросила там, где люди.

В телефоне зашуршало, и звонок закончился.

Варвара уже перестраивалась к выезду на шоссе. Глеб набрал экстренную службу с её телефона и назвал место, куда сворачивала машина с Мариной. На вопрос о марке и номере ответить было нечего; он дал её номер, описал белый фургон из собственного заявления и сразу уточнил, что не знает, в нём ли она сейчас.

Варвара включила поворотник, пропуская грузовик, и спросила, можно ли ей позвонить после него.

— Кому?

— Человеку, который сможет помочь, если там тот же исполнитель. Вы второй раз дверью фургона не обойдётесь.

Глеб закончил сообщать оператору сведения, вернул телефон и левой рукой подтянул ремень, чтобы тот меньше давил на бок. Варвара набрала номер. Пока ждали ответа, точка Марины перестала обновляться у тёмного въезда между двумя складскими корпусами.

Глава четвёртая. Незванный

Человек, которому позвонила Варвара, взял трубку после шестого гудка и попросил не объяснять ничего, пока он не найдёт очки.

Она подождала, ведя машину по почти пустому шоссе. В динамике что-то упало, раздалось недовольное ворчание, затем мужской голос произнёс:

— Говори. Только с адреса. Если ты опять в архиве, я ключи от ворот отдал, с собой больше не вожу.

Варвара назвала промышленный проезд и номер корпуса на карте. Глеб держал её телефон над коленями; точка Марины оставалась неподвижной, время последнего обновления уходило всё дальше.

— Эlevator знаю, — сказал мужчина. — Там теперь двенадцать арендаторов и ни один не способен объяснить курьеру, где находится. Что случилось?

— Женщину увезли обманом. Связь оборвалась у въезда. Возможно, с ней тот, кто недавно напал на человека рядом со мной. Силу не рассчитал бы ни один обычный охранник. Выхих ему не помешал.

— Не факт, что вывих, — сказал Глеб.

В трубке помолчали.

— Это пострадавший? Как зовут?

— Глеб. Я не пытаюсь сейчас уточнить диагноз. Я вывел руку туда, где она должна была перестать работать. Она продолжала.

— Значит, пробовать второй раз не надо. Варя, сколько тебе ехать?

— Семнадцать минут.

— Я подъеду к третьим воротам. Полицию вызвали?

— Вызвали. У них место последнего сигнала, пока это всё.

— Хорошо. Я возьму железо, но только давай без сюрприза на месте, что там ещё надо кого-нибудь оживлять. Для этого у меня ничего нет.

Он отключился. Варвара перестроилась, обходя грузовик, и назвала его имя:

— Артём Озеров. Реставратор. Работает с такими предметами, как моя свеча, только чаще с металлом.

— И он живёт возле элеватора?

— Мастерская в соседней промзоне. По ночам тоже работает.

Глеб посмотрел на время. Потом снова позвонил в дежурную часть и уточнил адрес. Ему велели не заходить на территорию до приезда сотрудников; он ответил, что пока едет, и попросил связать сведения о Марине с заявлением из ресторана.

Варвара свернула с шоссе. За стеклом потянулись низкие здания, склады шин, стоянки грузовиков. Между корпусами стояла вода; в лужах отражались редкие фонари и белые полосы разметки, которые то исчезали под грязью, то вдруг оказывались совсем новыми.

У третьих ворот горело окно проходной. Старый тёмный универсал стоял чуть дальше, возле бетонного блока; рядом с ним мужчина надевал куртку поверх рабочей рубашки. Из-под открытого багажника торчал длинный рулон войлока.

Варвара опустила стекло.

— Артём.

Он наклонился, посмотрел сначала на Глеба, потом на зафиксированную кисть.

— Ты сказала «напал», а не «собрал из того, что осталось».

— Я слышу, — сказал Глеб.

— Это хорошо. Будет проще договориться, чтобы вы не хватали ничего этой рукой.

Артём был крепкий, с короткими волосами и вьёвшейся в боковые складки пальцев тёмной пылью. На рукаве куртки белел след шлифовки. Он не выглядел человеком, которого вытаскивали из постели, но посмотрел на часы с тем выражением, с каким другие смотрят на ещё одну испорченную деталь.

Варвара показала ему точку на карте. Он увеличил изображение.

— С другой стороны надо. Это шестой корпус, у него погрузка в проулке. Здесь нас пошлют объезжать, потом закроют шлагбаум и будут сорок минут искать, кто имеет право его открыть. Я там металл забирал.

Глеб собрался выйти, но Артём придержал дверь.

— Секунду. Вы собираетесь разговаривать с тем, кто вас так отделал, или сразу хвататься?

— Я собираюсь забрать женщину.

— Это я понял. Спрашиваю, как.

Ответа пока не было. Глеб посмотрел на ворота, за которыми в освещённой будке человек медленно перелистывал журнал.

— Если получится — при сотрудниках полиции. Если она ещё здесь к их приезду.

Артём кивнул и открыл багажник своей машины. Между ящиком с инструментом и рулоном войлока лежал свёрток в плотной ткани. Он развернул его на откидной полке.

— Ремешок сегодня менял. Хорошо, не успел убрать в шкаф.

Внутри был кусок чёрного железа величиной с ладонь. Неровная дуга, широкая перемычка под пальцы; с одного края металл утолщался, с другого был сточен почти гладко. Четыре отверстия для пальцев явно появились позднее самого предмета. На одном изгибе сохранился расклёпанный конец, похожий на шляпку огромного гвоздя.

— Мы его Привратником зовём, — сказал Артём. — Скоба от городских ворот. Через те ворота три раза лезли с оружием, три раза остались снаружи. Потом ворот не стало, а привычка у железа осталась. Под руку его переделали уже позже.

Глеб не потянулся за ним.

— И что он делает?

— Останавливает того, кто входит без права. Если вы действительно защищаете границу. Не понравился вам человек — этого мало. Увели у вас женщину — тоже само по себе не основание для скобы. Нужно место, куда ему нельзя, и ваше право его не пускать.

— А если это уже похититель?

— Тогда вызывайте полицию. Железо не разбирает состав преступления.

Варвара открыла дверь и встала рядом. Артём передал ей свёрток, но она указала на Глеба.

— Отдай ему. Мне нужно будет говорить с Мариной.

— У него одна рука сломана.

— Другая работает, — сказал Глеб.

Артём посмотрел на опухший большой палец.

— Работает, вижу. Как старый подъёмник: один раз поднял, потом полдня держишь, потому что вниз уже не едет.

Он всё-таки положил скобу Глебу на раскрытую ладонь. Железо было тяжёлым и холодным, с гладкими впадинами там, где его много лет держали до него.

— На эту ночь, — сказал Артём. — Вернёте мне, не Вересову и не тому, кто пообещает за него заплатить. Использовать — только для защиты прохода. И если взялись кого-то прикрывать, не бросайте его ради погони. Здесь не получится сначала побегать с железкой за обидчиком, а потом вспомнить, что вы вообще-то дверь держали.

Глеб осторожно сомкнул пальцы. Перемычка легла поперёк ладони, не давая полностью сжать кулак; большой палец пришлось оставить сбоку.

— Оно защищает руку?

— Нет. И голову тоже. Отдача будет ваша, вывих тоже ваш. Я сейчас почти надеюсь, что вы им не воспользуетесь.

— Верну вам, — сказал Глеб. — За ним бегать не буду.

Артём поправил короткий кожаный ремешок, удерживавший металл на кисти, и убрал ткань в карман. Варвара уже садилась за руль.

* * *

Объезд занял меньше двух минут. Со стороны шестого корпуса ворота стояли открытыми: длинный грузовик сдавал назад под навес, водитель смотрел в зеркало, а мужчина в синем рабочем жилете махал ему фонариком. Возле стены в ряд стояли пустые металлические клетки для груза.

Варвара остановилась за поворотом. Глеб открыл дверь, придерживая скобу поллой пиджака. Из машины Артёма донёлся щелчок центрального замка; он подошёл с обычным фонарём в руке.

У навеса пахло соляной и зерновой пылью. На столбе висела табличка с перечнем арендаторов. В левом конце двора горела приоткрытая дверь с надписью «Механический участок». Справа, под низким козырьком, стоял тёмный минивэн.

Его задняя дверь была открыта. Женщина в светлом плаще сидела боком на сиденье, поставив ноги на бетон. Мужчина перед ней держал планшет и тонкую папку на резинке.

Серую ветровку Глеб узнал раньше лица.

Он остановился возле грузовых клеток. До минивэна было метров пятнадцать, пройти незамеченным по освещённому двору не получилось бы. Мужчина в жилете тем временем выставил руку перед машиной и крикнул водителю, чтобы тот остановился.

— Нам бы к женщине у минивэна, — сказала ему Варвара. — Вы видели, как её привезли?

Он опустил фонарик.

— Минут пятнадцать назад. А вы за ней? Забирайте, я уже говорил, что им не надо под козырьком стоять. Грузовик развернуться не может.

— Они к кому приехали?

— По заявке на погрузку. Пропуск есть, я проверил. Если бумаги подписывать — пусть в контору идут, там свет, стол. Всё на капоте делают, потом ищут, куда листы улетели.

Он повернул голову к навесу, собираясь крикнуть ещё раз, но Варвара взяла его за локоть.

— Не зовите пока. Я Ланская. Женщина позвонила нам из машины, просила помощи. Мы сообщили в полицию. Кто здесь отвечает за двор?

Мужчина посмотрел на её руку, и Варвара сразу отпустила.

— За погрузку — сменный. Я механик. И давайте без этого «кто отвечает», у нас камера над воротами, там всё видно. Она сама вышла из машины.

Глеб услышал голос Марины. Она говорила негромко, но во дворе звук шёл хорошо:

— Я без очков не буду ничего подписывать. Я уже сказала. Хотите — читайте вслух, только не через строчку.

Мужчина в сером наклонился ближе к ней.

— Нам нужно подтвердить только получение. Вы ознакомились, вопросов нет, и мы едем дальше. Я вас привёз, документы показал. Что здесь можно не понять?

— Куда дальше?

Вместо ответа он поправил лист на планшете.

Глеб пошёл к минивэну.

Варвара успела сказать ему вслед «подождите», но в этот момент Марина подняла голову и увидела их. Он уже не мог сделать вид, что просто проходит мимо.

— Марина Сергеевна. Это Северин. Тот, с кем вы говорили перед поворотом.

Мужчина в сером медленно обернулся. У него распух нос, но ни повязки, ни следов крови на рубашке не было. Левую руку он держал свободно, будто у фургона ничего с ней не случилось.

— Вы всё-таки до врача доехали, — сказал он. — А то я переживал, что опять придётся начинать с вашей руки.

Глеб остановился так, чтобы минивэн не оставался у него за спиной.

— Отойдите от двери. Марина, вы хотите с ним ехать?

— Я хочу выйти, — сказала она. — Мне сказали, что телефон отдадут, когда подпишу. Но я пока ничего не подписывала.

На ней был тонкий светлый плащ поверх домашнего свитера, на ногах — кожаные туфли без каблука. Она держала сумку на коленях обеими руками. У левого запястья багровел след, похожий на слишком туго застёгнутый браслет.

Мужчина положил планшет на крышу машины.

— Ей предъявили документ. Она должна подтвердить, что получила его, иначе потом окажется, что я никуда не ездил. Вы ведь тоже работаете с людьми. Дайте закончить.

— Получение можно подтвердить без удержания человека.

— Вот вы это потом и запишите, когда вас спросят. Сейчас вы мешаете.

Он сказал последнее тише. Варвара подошла к другому краю открытой двери; Марина сидела между ней и исполнителем.

— Покажите документ мне. Я прочту вслух, Марина решит, что готова подтвердить.

Мужчина посмотрел на неё, потом на Артёма, который остановился в нескольких шагах.

— Вы все приехали консультировать одну подпись?

— Пока да, — сказала Варвара.

Она протянула руку к планшету. Он накрыл его ладонью.

Марина поднялась с сиденья. Мужчина, не глядя, поймал её за верх рукава и вернул на место; движение было небольшим, но она стукнулась затылком о стойку двери.

Глеб шагнул вперёд и ударил скобой по запястью, державшему женщину.

Он не размахивался, просто вложил в короткое движение плечо. Железо встретилось с костью. Глеб ждал, что чужая рука наконец поддастся, но боль прострелила его собственную кисть до локтя.

Противник повернул голову. Хватки не разжал.

— Вы уже пробовали, — сказал он.

Свободной рукой ударил Глеба в грудь. Тот отступил, споткнулся о край водосточного лотка и удержался только потому, что Артём подхватил его сзади за пиджак. Воздух не входил; перед глазами на секунду потемнело.

— Здесь пропуск, — сказала Варвара быстро, почти ему в лицо. — Вы слышали: у него пропуск на погрузку. Он вошёл сюда по праву.

— Он её...

Глеб не смог договорить. Артём прижал его спиной к металлической клетке, не давая снова шагнуть вперёд.

— Вижу. Железо — нет. Дышите, потом будете злиться.

У ворот водитель грузовика высунулся из кабины. Механик уже шёл к ним, держа телефон возле уха.

— Уберите руки от женщины! — крикнул он. — Я сейчас закрою выезд, никуда никто не поедет!

Мужчина в сером оглянулся на грузовик. Пока он смотрел, Марина опустила сумку, вытянула руку из рукава и шагнула к Варваре. Плащ остался у него в кулаке.

Он поймал бы её снова, но Артём толкнул стоявшую рядом грузовую клетку. Колёса прогребели по бетону, стальная рама встала между ними. Исполнитель отшвырнул её в сторону, и Глеб увидел, как одно из колёс оторвалось от основания.

Водитель грузовика ругнулся и захлопнул дверь кабины.

— Ко мне! — крикнул механик. — В участок! Сейчас закроем!

Он побежал к освещённой двери. Варвара повела Марину следом; Глеб оттолкнулся от клетки и пошёл за ними, пока ещё мог заставить ноги двигаться.

Артём остался позади, перегораживая путь между клетками. Глеб слышал скрежет колёс, потом резкий металлический грохот.

До механического участка было метров восемь. Механик распахнул обе створки двери, пропуская Варвару с Мариной, и замахал рукой Артёму.

— Сюда, говорю! Все ко мне, дверь закроем!

Артём вбежал последним, придерживая левое предплечье. На рукаве быстро расплзлось тёмное пятно. Глеб потянул за ближайшую створку, но она остановилась, ударившись о чей-то инструментальный ящик.

У двери уже стоял мужчина в сером.

Он не задержался перед порогом: упёрся в створку и медленно открыл её обратно. Дверь его не остановила.

* * *

Внутри пахло маслом и горячим металлом. Между верстаком и старым сверлильным станком стояла тележка с разобранным электродвигателем; вдоль стены лежали приводные ремни, на гвозде висела кружка с засохшим чаем.

Механик оттолкнул ящик ногой и навалился на вторую створку.

— Вам сюда нельзя! У вас погрузка, а не ремзона! Я сейчас начальнику смены...

Мужчина резко толкнул дверь, и механика отбросило к верстаку. Он ударился поясницей о край, но удержался на ногах.

Глеб уже поднял руку со скобой, когда Артём перехватил его за плечо.

— Изнутри. Держите проход, не выходите к нему.

— Я и не выхожу.

— Сейчас почти вышли.

Глеб отступил на полшага. Под ногами, между бетонным полом двора и затёртой плиткой участка, лежал широкий железный порог. Краска на нём сохранилась только у косяков; середина была стёрта до блеска тысячами подошв и колёс.

Сзади Варвара отодвигала Марину за станок. Женщина ругалась: то ли сумка зацепилась, то ли Варвара слишком крепко держала её за локоть. Механик шарил по карманам в поисках ключа от замка.

Глеб оставался между ними и дверью.

— Вы отвечаете за этот участок? — спросил он механика, не оборачиваясь.

— Да кто ещё? Ночью я здесь один. Вы бы лучше дверь...

— Не пущу. Отойдите от створки.

Мужчина в сером перенёс вес вперёд. Его подошва скользнула по железу, носок оказался на плитке. Ничто его не остановило.

— Не надо устраивать это при людях, — сказал он. — Я заберу женщину, вы останетесь со своими друзьями. Мне не за вами поручено приехать.

— Назовите, кто поручил, — сказала Варвара из-за станка. — Механик запишет. И покажите, где ваше право войти сюда.

Исполнитель даже не повернул головы.

— Я вам уже сказал, с кем разговаривать.

Он схватил Глеба за отворот пиджака и потянул на себя.

В прошлый раз Глеб попытался бы освободить захват. Теперь правой рукой только прижал сломанное запястье к животу, подался вслед за рывком и коротко ударил скобой поперёк чужой кисти.

Раздался сухой треск, и пальцы на отвороте сразу разжались. Мужчина отдернул руку, ударился локтем о косяк. Из-под манжеты капнуло на железный порог.

Глеб едва удержал скобу. Ладонь свело; ремешок натянулся, не давая тяжёлому металлу упасть. Он отступил к створке, пока противник смотрел на свою руку.

Запястье осталось согнутым под неправильным углом.

Мужчина попробовал повернуть его. Кость не вернулась на место.

Он поднял глаза на Артёма.

— Это ваше?

— На сегодня выдано, — сказал тот. — Завтра заберу.

Исполнитель отступил за порог. Глеб шагнул было к нему, желая закрыть створку, но нога остановилась у края железа. Он подцепил дверь подошвой, подтянул к себе и не пошёл дальше.

Снаружи под колёсами загрохотала опрокинутая клетка. Мужчина ухватил её здоровой рукой и развернул поперёк прохода.

— От двери! — крикнул Артём.

Клетка ударила в створки. Механик успел отскочить, Глеб — нет; край двери пришёлся ему в плечо и прижал к косяку. Он согнулся, защищая бок, а поверх железа уже летел тяжёлый пластиковый ящик.

Ящик разбился о станок. Посыпались муфты, гайки и куски упаковочного пенопласта. Марина вскрикнула и присела; Варвара закрыла её собой, пока Артём толкал тележку с двигателем к двери.

Глеб вцепился левой рукой в стойку тележки. Старая скоба мешала хвату, большой палец онемел, но они вместе развернули груз так, что рама упёрлась в обе створки.

Следующий толчок снаружи сдвинул тележку на несколько сантиметров. Двигатель звякнул креплениями. Механик схватил деревянный брусок и подбил им колесо.

Артём здоровой рукой надавил на раму.

— Теперь держите. Не суйте туда пальцы.

Мужчина снаружи больше не толкал.

Глеб ждал, что он полезет через окно. Два высоких окна выходили во двор, но были закрыты решётками; третье, маленькое, располагалось над верстаком и смотрело в боковой проулок. Артём тоже посмотрел на него, затем перевёл взгляд на Варвару.

— Задний выход есть? — спросила она механика.

— В соседний цех. Там сварщики, закрыто, но ключ у меня. Только там дальше тоже ворота...

— Ведите Марину. Посмотрите изнутри, не открывайте во двор. Мы здесь останемся.

Глеб хотел сказать, что пойдёт с ними. Вместо этого упёрся ногой в тележку и дождался, пока механик найдёт нужный ключ.

Из-за двери донёсся голос:

— Женщина сама согласилась ехать. У меня есть запись звонка. Вы сейчас мешаете исполнить договорённость, а потом будете объяснять, что просто спасали.

Варвара остановилась у задней двери.

— Запись с чужого номера, на котором вы назвались Глебом Севериным? Сохраните её. Вместе с вашим заданием.

— Он не Глебом назвался, — сказала Марина. — Он сказал, что Глеб не может говорить, и передал другому. Тот отвечал.

Во дворе стало тихо.

Глеб посмотрел на Варвару. Она покачала головой: не сейчас.

Механик открыл дверь в соседний цех. Варвара провела туда Марину, вернулась и взяла со стола чистую ветошь, чтобы прижать к руке Артёма.

Снаружи заработал двигатель минивэна.

Глеб сдвинул ногу с рамы.

— Не надо, — сказал Артём.

— Он уедет.

— Да. А у нас за спиной люди. Договорились же.

Глеб снова поставил ногу на тележку.

У ворот раздался клаксон грузовика — длинный, раздражённый. Потом чей-то голос потребовал отъехать назад. Звук мотора усилился и ушёл к боковому проезду; почти сразу со стороны основных ворот донеслась сирена.

Никто в участке не бросился открывать дверь.

* * *

Их нашли через сварочный цех. Механик назвался Костяновым и разговаривал с полицейскими так громко, что Глеб услышал ещё до появления формы: объяснял про заявку, зелёный пропуск, женщину и грузовик, который не удалось остановить ровно там, где он просил.

Первым в участок вошёл сотрудник с фонарём. Посветил на тележку, на руку Артёма, затем попросил всех оставаться на месте. Второй прошёл к окну.

Глеб положил левую ладонь со скобой на край верстака.

— На этом человеке у ворот был пропуск, — сказал он. — Марину привезли в тёмном минивэне. Уехал в боковой проезд, кисть повреждена. На пороге кровь.

— Вижу. Что у вас в руке?

Глеб разжал пальцы насколько смог. Металл остался висеть на ремешке.

— Этим ударил. Он пытался втащить нас обратно во двор.

Артём помог снять ремешок. Привратник тяжело стукнул о верстак.

Полицейский попросил не трогать его больше.

Артём посмотрел на железо, затем достал паспорт.

— Мой предмет. Озеров. Я дам пояснения, только руку мне сначала кто-нибудь перевяжет? Тут не так страшно, как выглядит, но рубашку уже можно выбрасывать.

Ему принесли аптечку. Пока занимались порезом, механик показывал на телефоне сообщение с разрешением принять машину. Номер, с которого оно пришло, был сохранён как «Диспетчер». Он утверждал, что заявки всегда приходят оттуда, и сердился, когда его переспрашивали.

Глеб сел на табурет, не дожидаясь предложения. Левую руку положил на колени ладонью вверх. Пальцы дрожали; в двух местах кожа была стёрта, большой палец распух сильнее прежнего. Правая кисть, зафиксированная врачом, ныла от каждого движения плеча.

Когда Варвара вернулась из соседнего цеха, он спросил:

— Марина цела?

— Ударилась головой, следы на запястье. С ней разговаривают. Скорую тоже вызвали, для неё и для Артёма. Для вас, кажется, отдельно решили не вызывать, вы уже здесь.

Она села на край свободного стула и только тогда вытерла ладони салфеткой. На одном рукаве серела масляная полоса, волосы выбились из заколки.

Глеб посмотрел на Привратник, возле которого полицейский раскладывал пакеты для вещей.

— У машины не сработал, потому что он имел право войти во двор.

— Пропуск был на погрузочную площадку. Костянов имел право пустить нас в участок и потребовать от постороннего не входить. Вы остались внутри защищать дверь.

— Тот же человек. То же железо. Восемь метров.

Варвара кивнула.

— А я чуть не оставил Марину у машины, решив, что мне дали бесполезную вещь.

— Вы увидели пропуск раньше, чем ударили.

Глеб посмотрел на левую ладонь и осторожно попробовал согнуть пальцы. Варвара не стала добавлять ничего к сказанному.

Артём тем временем объяснял сотруднику, почему у воротной скобы отверстия для пальцев. Объяснял без выдуманной легенды про инструмент, честно, с заметным нежеланием касаться края бумаги забинтованной рукой. Когда ему предложили расписаться, он попросил сначала прочесть, как предмет описан.

— Не «обнаружен», а передан, — сказал он. — Вы его на верстаке увидели, потому что мы положили. Это я для точности, не для спора.

Глеб отвёл взгляд от пакета. На эту ночь ему доверили железо, а вернуть теперь предстояло после разбирательства. Артём поймал его взгляд и коротко кивнул — позже.

Из сварочного цеха вышла Марина. Плащ ей принесли со двора; она не стала надевать его, держала перекинутым через локоть. Без него была видна старая штопка на рукаве свитера, точно в цвет шерсти.

Она подошла к Глебу, но на свободный стул не села.

— Вы можете больше никого ко мне не присылать?

— Я никого не присылал.

— Я теперь знаю. Но они пользовались вашим именем, и когда я сказала, что не поеду, мне ответили, что вы уже всё устроили. Знаете, сколько раз я слышала от Андрея, что он всё устроил?

Глеб положил обе руки на колени.

— Я не должен был отдавать ваши сведения.

— Вы говорили, вас били.

— Били.

Она посмотрела на его лицо, потом на кисть.

— Тогда, наверное, не нужно сейчас обещать, что в следующий раз вы удержите бумагу зубами. Мне нужен человек, который скажет, кому ещё известен адрес.

Варвара придвинула стул так, чтобы Марине не пришлось вставать между ними.

— Мы не знаем. Полиция проверяет тех, кто участвовал. Пока лучше решить, где вы сможете остаться и с кем связаться. Вы можете выбрать человека сами, не через Вересова.

Марина села. Пальцы у неё были холодные и красные; она спрятала их в складках плаща.

— У меня есть сестра. Я ей сама позвоню. Телефон они так и не вернули.

Варвара отдала свой аппарат, не спрашивая номера. Марина отошла к окну; Глеб слышал, как она сначала извиняется за время, а потом сердится на вопрос, зачем опять связалась с Андреем.

Артём подошёл и остановился возле табурета.

— С рукой что?

— С какой?

Он посмотрел на Глеба без улыбки.

— С той, которой вы будете возвращать моё железо. Я документы на него пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.